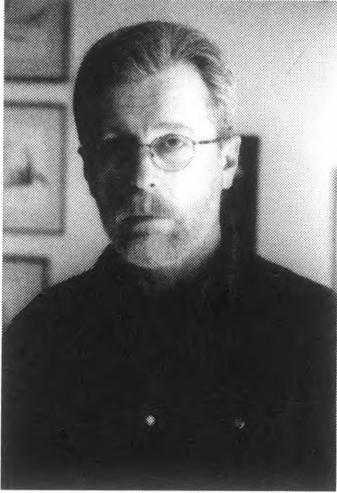

МАКСИМАЛИСТЫ

Борис Фальков
Владимир Дурново

Борис Фальков
Владимир Дурново

60

60

ББК 85.143(10)
М-17
ISBN 5—85164—040—5

© Б. Фальков
© В. Дурново

МАКСИМАЛИСТЫ

Борис Фальков

ПРОСТОЙ ПОРЯДОК

Владимир Дурново

ЕЖЕДНЕВНИКИ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННОЕ АГЕНТСТВО «РА»

МОСКВА 1997

Фальков Борис (Викторович), родился в Москве 1946.

Учился в Московской и Ленинградской консерваториях, аспирантуре Киевской консерватории, пианист: преподавательская и концертная деятельность, записи во Всесоюзный Радиофонд, пластинка фирмы «Мелодия» 1978.

Член западногерманского центра международного ПЭН-Клуба, автор опубликованных книг:

«Моцарт из Карелии», роман, ГПА Мюнхен 1989, на рус. яз.

«Щелкунчики», роман, ЛИСТ Мюнхен 1991, на нем. яз.

«Трувер», роман, ГПА Мюнхен 1992-1993, на нем. и рус. яз.

«Миротворцы», роман, ЛИСТ Мюнхен 1993, на нем. яз.

«Глубинка», повесть, ПЕРИОДИКА Таллинн 1994, на эст. яз.

«Десант на Крит», сборник: проза-театр, ГЛАС Москва 1994, на рус. яз.

а также рассказов, повестей, поэм, стихотворений,

эссе, критических статей в разноязычных журналах

США, Европы, Израиля, Эстонии, России,

и на Радио Либерти.

Роман «Щелкунчики» осенью 1991 получил диплом от критиков газеты «Абэнд Цайтунг» за «чрезвычайные достижения в культурной и культурно-политической области».

Карликовый роман «Десант на Крит» номинирован кандидатом на русскую Букеровскую премию 1995.

В эту книгу вошли поэтические произведения 60—80 годов.

Борис Фальков

ПРОСТОЙ ПОРЯДОК

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1973—1985

* * *

Живя в чужих, боясь лицом
пожатый белых губ и резвых пальцев
холодный друг себя
среди предметов без названий —
живи.

Но мне, мне одному скажи:
ведь он ещё не умер
тот странный сумеречный сад?
Там только ты и я, и скрип ракушек под ногами
и третий в небесах над облаками.
А если умер, где теперь тот странный ряд
имён: ночь, бабочка, лицо как птица, Лиза...
и синий зрак светит ресниц тех ли за?
И лёгкий снег и лёгкая слеза
и блеклый лоб лежит ресниц ли над?
Скажи, что он ещё не умер
тот странный странный синий сад!..

Холодных дней боясь лица
и белых губ —

о! сумеречный сад...

ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ

ЛЮБИТЕЛИ ЧАЯ

Чжуан Чжоу:

Любил и мясо и цветы.
Лепил полёт и слабость изучал ног.
Зубами собственные мял хвосты.
Желал покоя в играх суеты...
Ну, разве это не печально?

Фальк:

Умный, о! нежный мой китаец,
зачем, пять тысяч лет скитаясь
носить пальто покроя «да» и «нет»?
Пять тысяч «зачем» под видом тысяч лет...

Чжуан Цзы и Вюзий Фцы Фальк сидят под крышей из лепестков лотоса.

Пьют чай.

Изредка говорят.

Чжуан Чжоу:

Зачем же доброе, мой друг, утро
у злого дня?
И утром пахнет ночью чёрный чай мой?
И... разве это не печально?

ЧАЙНЫЙ ДОМИК

Вчера я видел дерево
сегодня птицу
завтра тебя.
Не огорчайся.

Чайный домик
тонкая чашка
фарфоровая жена.
Спокойной ночи.

* * *

Снилось мне, что перед утром
я своё покинул тело
и освобождённым сердцем
отстранил свои пределы.
Посох взял рукою слабой:
в даль тропа уже лежала
мне.

Но сердцем отстранённым
помнил свет земли угрюмой,
цепи каторжного дела,
время страха перед утром,
тела тесные пределы...

И оделся новым страхом:
быстро так тропа бежала
в даль.

Но обратясь к себе же,
я сказал ему с улыбкой:
«не печалься и не бойся,
видишь — как я сам спокоен!»

И тогда сошёл с тропы я,
в травы дикие вступил я,
листья жёсткие жевал я,
наблюдал секреты пчёл я,
птичьи речи изучал я
и в конце концов услышал:
«да, не бойся, странный странник!
видишь — в даль лежит дорога,
видишь отстранённым оком
ты?»

Там, далёко, боль земную
упокоят всем без срока
чистый свет и сад высокий.
Там, далёко —
сна в начале —
утолю и твои печали».

* * *

Мне печали отпусти,
тихо ходики пусти.
Тикнут ходики, как прежде,
тикнут ходики опять:
ты ходи-беги в надежде,
что потом мы сможем спать.

* * *

Люблю! люблю
ведьма радости.
Ведьма рук.

Рук круг
и пена нежности внизу живота
и губы рта.

Луг и озеро и быстрое «да».
Купанье в сумерки
и тёплая вода.

* * *

Вольга любви, Вольга тучности
храня хризантему внизу живота...
Ольга воли.
Игорь игр.

Ночь где тигры игры хитры
ночь игры где икры слабы
где вечер справа а утро слева:
ночь зачатия Святослава.

* * *

Тебе короткая строка
определит границы срока:
промчится жизнь довольно скоро,
годков, ну, тридцать. Или сорок.
А у порога сорока
вскричит печальная сорока,
рассыпятся грибные споры
и давние утихнут споры.
Умрут твои ко мне укоры,
умрут мои тебе уроки.
Сороковая рока строчка
окончится дырою: точкой.

* * *

Шаг ангела
его крыло
и ночи мёртвая звезда
как грозный глаз
как лист сухой
как брошенные города.

Дождь навсегда...
скорбя летит
последний ангел мой во мгле.
Вопросов нет
и пусто сердце
на бедной брошенной земле.

И утра завтрашнего «нет»
и вечности огромной «да».
Полынь, пролей свой тёмный свет!
Гори, гори, моя звезда...

* * *

Я долго шёл к другому храму
и был готов ещё идти.

И горних ангелов охрану
мне дали на моём пути.

И я пришёл. Восставил свечи.
На камни стёртые упал.

Дыханье небывалой речи
в меня влилось. И я сказал:

«Спаси, Христос. Спаси, Христос.
Итса ссима иисп рсу схос
ямсси тисцу ссисар оихс
итсясс! яи иперим ссхоус
ястимисс сипа урс псохс
итса ссима иисп рсу схос!
Спаси, Христос. Спаси, Христос».

ГОЛУБЬ

Кто бледный голубиный страх
кто ужас голубя поймёт?

Вот:

куст птицы — двадцать семь ладоней.
Клубок печалей и одна ладонь участия.
Один зелёный кровью лист участия.

Кто знает?

В августе

где точной каплей лист испуган
и пальцы трепета обнажены
и горе голубя жены...

Кто знает слабость голубя жены?

Итак, мы капля робости в ладони лета
и на листе участия точный знак
и капля гнева на реснице ветра
и десять тёмных тысяч капель гнева
и чёрный князь тумана слева...
Итак: чернец ужасный под кустом.

О, голубь случая

голубь всех

чей утренний комок

в саду уже рассыпан горстью страха
где ягоды пупок испачкан кровью лета
и дождь из пепла лепета его жены
и голый лепесток
голубь-цветок.

Кто бледный голубиный смех?

Кто знает?

В начале августа, где день на стебле вызревает
и новая луча игра
и быстрый голубь смеха...

Лети!

голубь гортензии.

* * *

Упокой порядок плена
парус белый опусти
года злого на пороге...
Ночь в пути
день в дороге
и недель ленивый плен:
день и ночь — все перемены.
Не пугайся перемен.

Сладкий луг, слепое стадо
стережёт пастух пристальный.
Здесь, крылом суровым под
год опилок — тёмный год.
Город мёртвых на пороге.
Колокол у шей коровьих.
Колокольчиком коровы,
бубенцом шута, раба
звона языком неровным
ворожит себе судьба.

Упокой кораблик лба
парус бега опусти:
год опилок на пороге...
Ночь в пути, день в дороге —
так уж лепится судьба.

О! пусти
лебедь лба!

* * *

Ветер мягко отодвинул занавески.
На дворе сентябрь, или январь?
Впрочем, эти имена — не более чем маски,
как и весь известный мне словарь.

Ветер, или только имя,
или только призрак, только мысль...
После я решу: быть может, допустимо
слово, в коконе себя упрятавшее смысл?

Тот, который отодвинул занавески,
на сентябрь надел пальто «январь»,
улетая, возразил мне веско:
«нет, не думаю... едва ль. Едва ль».

ЗИМА В БАХЧИСАРАЕ

Зима и юг.
Летят серебряные мухи.
И ты ко мне летишь неслышно
как тихие летают слухи.

Весна и север.
Быстрый снег
на платье тонком цвета О!
из меха белой мыши.
Слышишь ?
Уже давно
где тихие летают слухи
звонят серебряные мухи.

И ночь в очах
и замок странный
слепой очаг
и ужин наш в надтаявших свечах
зачах.

И запах
давно ничей
в холодных гулких залах
погасших восковых свечей.

А то ли, дуся, раньше было...
Касанье пальчиком Гиревой могилы
высокий минарет
оттуда голос милый...
О, муэдзин
о, музыкант унылый...
И щупал лучше нас, увы
татарин даму из Москвы.
Да, то ли, дуся, раньше было.

А ты
как звуки з-з-з уныла
как эти мёртвые цветы
как эта тёмная могила.

И зимний юг
как вдруг
как сонный звон
как голос мёртвой силы

как хана мрачная могила.
Ходи вокруг, молчи, ни слова!
Затем забудь.
Забудь, как лучше нам забыть
и дом печальный Воронцова
и зимний юг.

Слогами слов
летят серебряные мухи
и ты в наряде полном слухов.
Цветы свеча.
Татарские крыши.
И звук, которого никто не слышит.
Давно никто.

И в платье цвета О!
из шкурки серебристой мыши
не выйдет никогда уже никто
вечером
на плоские крыши.

СУХУМ

1

Сегодня вы сквозь тусклое стекло
с лицом стремительным, как боль
летите бледная куда-то...
ко мне в ноябрь.
«Год клонится к закату»
я говорил под сердца тусклый стук
«и потому он так сегодня тускл
и непрозрачны стёкла окон.
И вы, летящая в лиловых зеркалах
и этот день в туманных стёклах
и тусклый год, и мой ноябрь поблёклый —
все мы умрём... или свернёмся в кокон
с большим лицом
под звон стеклянных окон».

2

Великий Путь одетый в дождь
где листья ловят капли «подожди»...

Послушай, сутки стали розовы
а роз стеклянные кусты пусты
и капли по листьям стучат как «пусти»

Ты возразишь: твои слова
или умерших тёмный список
всё — тень от паутинки, или мышки писк.
В росу и розу слеplены стеклянные пластинки
и сутки сада
осыпал дождь-песок.

Послушай-слушай, скажешь ты
звонят кусты.
А я, что розовый с крылышками спел
что ягодка-день стал слеп и спел.

В саду цикада и фазан
 циновки в затенённой фанзе
 при свечке книжечка Чжуан Цзы
 сегодня и вчера, и много лет назад.

Крик петуха в начале дня
 полёт совы в конце недели
 и месяцы луны в октябрь летели
 и года рождество одетое в метели
 и непременно к Рождеству — гость у меня.

Вторую свечку ставлю рядом с первой
 стелю ещё циновку в тёмной фанзе
 молчат цикада и фазан:
 я вслух читаю из Чжуан Цзы
 как завтра и вчера, как много лет назад.

И слов замедленный уход
 и гость... Как много лет вперёд.

Это я в гнезде вчера родился
 и кричу «еда» нетвёрдым ртом.
 Я дождями ядовитыми умылся
 и упал без слов листа кустом.
 Это я лечу уча полёту
 я — жена ужу, я из глазниц чужих гляжу
 я — ребёнка страшный бледный кто-то...
 Это я так схож с приметамы кого-то
 что теперь зарезанный лежу.

Это я вчера на танцах снял кого-то
 и теперь зарезанный лежу.

Вечером себя открой окно:
кто-то красный с тонкой лапкой прилетел
вечером на ветку под окно.

Ветер вытер вечером стекло
дня большого время истекло
день и дождь, и ветер, всё ушло...

Только тонко вечер веточка одна
стукнет в стёкла твоего окна
крикнет красный с чёрным клювом у окна.

...тонким пальцем в ночь он указал
тёмным голосом «Чивитта-Веккья» прокричал...

Где ходят люди с лицом паяца
и носят запахи разного грима
на чёрном озере лотос-Лацис
у дерева, надевшего морщины Грина.

Дождь, берег пустой и красная глина
цветы и ветер, и я, и Бог...

По чёрному — серым, как братья Гриммы
две вялые птицы плывут к боку бок.

ВТОРНИК

Я знаю: вечером во вторник
после столетнего молчанья
когда в постели я лежу
звоночек прокричит печально.
Я трубку, как больную чайку
возьму — и сразу положу.

Но кто-то позвонит повторно.

Я знаю: вечером во вторник
звоночек прокричит печальный
я трубку к уху приложу...
Услышу, как живёт в молчаньи
дыханье чьей-то чёрной чайки
и трубку тут же положу.

Но кто-то позвонит повторно.

Я знаю: вечером во вторник
услышу из глубин молчанья
«привет!.. души в тебе не чая...»
и перебив молчание — скажу:
«Ошиблись вы, как ни печально».
И трубку быстро положу.

Но кто-то позвонит повторно.

Я знаю: мне всегда покорно
бежать к нему на крик печальный
и я когда-нибудь скажу:
«Вы не ошиблись... из молчанья.
Я здесь. А... ты кто? Отвечай мне
не то я трубку положу!»

Но тот молчит
и ночь
и вторник.

ГОЛУБИНАЯ НОЧЬ

Лечу на запад. За окном вагона
ночь голубая мчится вслед за мной.
Трепещет в красных каплях на стекле
моё прозрачное отображенье
как тяжкий сон. И всё. И более — ни зги.

Но вот, где носа моего кивает отраженье
рисунок проступил нагой ноги.
Да, в красных каплях и слепом движеньи
очерчен голубым ноги нагой изгиб.

И лоб — не лоб уже: светящиеся плечи
и глаз — не глаз, а голубая грудь
и вижу: призрак, мне лицо навечно изувечив
звенящим взглядом сквозь стекло течёт, как ртуть.

В его зрачках висят громадные слезины
они же — дождь и капли красные стекла
они дрожат, одна из них мне на руки стекла
ожог! Я понял: ведьма слёз меня зовёт на пышные грустины!
О, как вместить в себя её летины!

В стекле дрожит мой лик увечный.
Я вижу — рот, которым столько лгу
не рот уже, а красный знак пятиконечный...
Кричу: о, Боже, смилуйся, я больше не могу!

Всё ближе рот в гримасе стылой
и колдовской изгиб ноги...
Чур, чур, кричу, оставь меня, помилуй!
И вдруг — пропало всё, как сон унылый.
И всё. И ночь. И более — ни зги.

Трепещет лишь моё отображенье
в окне вагона, в красных каплях.
Лечу на запад. И за мною мчится
ночь голубиная, до западной границы.

СТИХИ НА ПОЛЯХ РОМАНА «МИРОТВОРЦЫ»

1

БРЕХУН

Я хотел красивым вам казаться
и носил расшитый казакин.
Вы ж — надменная казачка —
приказали мне податься в казаки.

Я надел лицо из старой меди,
кличку Фальк — на имя променял,
и безлунным вечером намедни
со двора чужого я увёл коня.

Потемнел зрачок, речь посветлела,
порыжели длинные усы,
зубы волчьи белее мела...
Вы сказали: вот теперь — красив.

2

Безумным языком пророчеств
я говорю для всех сегодня:
звезду Полюнь вам небо прочит.
Но небо тоже несвободно.

И я — вчера и завтра сводня —
свою судьбу прочёл меж прочих:
что кем-то вечером сего дня
к седлу для скачки приторочен.

3

Мчат копыта в пыльной ризе,
солнце в красных небесах.
Отмеряют срок маркизе
на устойчивых весах.

Взвесив на весах приказы
озабоченных небес,
поперёк седла маркизу
бросил узкоглазый бес.

Ходят смерчи в дали сизой
над восточной стороной.
Быть испуганной маркизе
в юрте запертой женой.

Голубое солнце в ризе
красной пыли и небес.
Что-то на скаку маркизе
шепчет плосколицый бес.

Голос ласково понизив,
наклонясь в седле к маркизе,
к голове орды поближе
скачет злой Орджоникидзе.

4

В СТАВКЕ ПЕТЛЮРЫ

Ночной монах любитель дыни
у печки тюря лимонад
облокостясь на хвост павлина
стоит в малиновых штанах.

Лимон малиновый и тюря
об локоть хвост упечк — и ад
сказал речистому Петлюре:
уила итид лимонад.

О! дыня ночью хвост монаха!
еюм чро кян стоит лихой
любя павлиньего штанаха
облокостившейся рукой.

Но мил лимон я тюри рютя
к чему у печки чепухе
стоять някорг мюе дитпали
где ночь кипит в простой ухе.

Но я кчюрмида лте пиули
ит пмю е орчняк уилад
люблю в носу твои шипули
о! дыни сладкой ном и лад!

5

В СТАВКЕ МАХНО

Где на озере из зыби
ложно лебеди живут,
там меня с лицом «изыди»
два конвоира ведут.

Нет, сказал Махно, махнув рукой им,
он ж ещё, мой милый — не покойник?
Так не комкайте свои испугом лица.
Не спешите, здесь вам не столица.

Где на ковриках над зыбкой
лебеди живут давно,
синюю носил улыбку
механический Махно.

6

СРЕДИ РЫБ

Горюет Игорь, сгорев, как уголь.
Погибла Игоря игра.
Теперь чернеет, как в угаре,
у половецкого костра.
Теперь коназ угрюм, как угорь,
как Калки тёмная игра:
ему, варягу, тесен угол
неполотнянного шатра.
Тихо в Калку он глядит
и печально говорит:
«Лещ зашучил пескаря,
а леща за жабры — щука,
щуку, с грацией угря,

червь на крюк поймал не зря:
будет, мол, тебе наука.
Вид угря, угрюмой многих,
и лихую бабу-шуку,
пескаря, леща, миногу
и мои больные ноги
червь сгрызёт по всей науке».

Тем он многих заставил недоумевать:
чем он более славен был — умом или хитростью.

7

ВАРИАЦИИ «ОРИЕНТАЛЬ»
НА ТЕМУ «ИРАН=РШХОА»

Среди ночи поднял ор шах:
шаху снилась станция Орша.

И летали над ней птицы Рох
а и страшно кричал птиц Рох хор.

А за дверью спальни шорох слышно: «шо?»
Шаху стало в паху нехорошо.

Слышно: Шорх оршо роар
ошр шхоо охоох!
Слышно: хошрох хороашр
оошоро оххорош.

Шорох — Шаху: «ай-яй, нехорошо!»
Хор птиц Рох — как Рок, как большое «ШО?»

Шаши-шохи слышит хор шах
чудится в ресницах станция Орша.

Снится снится на тёмных лестницах
птица красная Рох — прелестница-синица.

Слышно: хрош оршо раорш
ршоо оохх хох...
Слышно: хохоош хорроашх
оошоро ррр оош.

За дверью спальни — осторожный шаг:
шаги жениха слышит девственный шах.

Трепещет как девица шаха душа...
Красная Синица — ах! хороша!

Шорох орша хор шах рох
хорошо! шах орша шорох
слышно, слышно: хоххоохош
ороош арш ршо — ах!

8

КАВКАЗ

Когда Батый придёт в Баку
аукнется на Кубе.
Как пёстрые катятся кубики
его ужасные кибитки
и бодрых лошадей покровы.
И европейские убытки
нужны ему, как нож Ежову,
как невской девке — мех лисицы
нужны Ежову рукавицы.
Ежова нож — Малюте пытки.
Как ножны для ещё попытки.

Когда Батый придёт в Батум,
как оглашенный баламут,
он в цели Азии обут,
и объявление пришьёт на тумбу:
чтобы быстро строить там бы
понимаешь мне, бараки,
чтоб содрогнулись и карибы,
увидев Тимурида буквы.

Когда Батый придёт в Баку,
петух Москвы кукареку.

Алла велик! Волна в Евфрате
 Реке валдайской не чета.
 Ахмед Незрячий женит брата.
 Фелах-жених как в ночи тать.
 А девки чёрная фата
 Темней улыбки АРАФАТА.

Облавой окружённый лось
 вбежал в кустом поросший лог
 и задыхаясь лёг

Копыта холодны как лёд
 горяч как уголь круглый лоб
 как сети — редкий лес

Сгоревший сердца уголёк
 но есть укромный уголок
 где тело улеглось

Нагих лесов последний лось
 последний сердца уголёк
 последний чахлый лес

Охотник дрогнул и исчез

Я ехал долго. Ноги затекли.
 Душа моя и степь в одно сложились
 и утонули в розовой пыли.

Мой спутник поклонился сухо
 и зашептал мне тихо в ухо:

«Голубчик, как прекрасно небо!
 И розовый, как попугай, закат!
 Как хочется взлететь, иль выпить... Либо...
 Ах, если б был сейчас я не солдат!»

Он говорил, что облака — как души,
что мы... что скоро на краю земли...
Он говорил, но я его не слушал,
я соглашался: руки затекли.

Напротив глаз моих усталый сторож
покачивал лицом не мне послушного ребёнка.
Телега медленно катилась по степи.
И кандалы позвякивали тонко.

12

Быстро солнце закатилось
Быстро сумерки сгустились
Быстро сутки покосились
Быстро миг меня держал

Быстро годы закатились
Быстро люди обносились
Быстро крыши покосились
Быстро голый я лежал

Быстро окна зазвенели
Быстро лестницы скрипели
Быстро хаты опустели
Быстро я лицом потел

Быстро облако спустилось
Быстро время обратилось
Быстро мыш в когтях забилась
Быстро ангел прилетел

Быстро города упали
Быстро когти выростали
Быстро мёртвых поминали
Быстро ангел протрубил

Быстро солнце закатилось
Быстро сумерки сгустились
Быстро сутки покосились
Быстро он меня убил

Тихо тени прилетели
на серебряный закат.
На серебряной постели
я и мной убитый брат.

Нож серебряный отточит
для меня его видень.
О! серебряные ночи...
О! посмертный чёрный день...

Над жёлтым морем, где синий кит спит
тёмная тень дикой кисы висит.
И ночью, когда синий кит спит
зелёный огонь мечут тёмные кисы.

У жёлтого моря, где кит спит
где алый восход, улыбаясь, летит
под красными звёздами без имён
лежит ледяной Великий Сон.

Он мрачный крылатый из сумрачных стай
О! кричу, Китай, о! дай
мне слёзный утраченный тайный дар
о! род, что поймает Китая удар!

И рот от крика становится стар.

И шопотом: ночью, когда тёмные кисы
зрачки себе вспыхнут зелёною кистью
гонец прилетит, принесёт Известия
и вместе помчатся осенними листьями
ко мне как к невесте, как к белой столице
и вскружат и вскачут посыльными кисами
гонцы с блестящими масками-лицами.

Гонцы Поднебесной, листья Подледальной:
он — близок, печальный?
И слёзного дара — о! дай нам!..
Но мрачный крылатый пока Китай нем
причастный к тёмной кисы тайнам.

Там:

хохочет кречет — мяса хочет
бегут там быстрой ночи ноги
и видит ноги и хохочет
там мяса ночи кречет хочет

там — нюхают, волнуя умный нос
там — прячутся, блестящий щуря глаз
когда едят как пищу зная нас
когда спешат, дрожа зубами: «о, Лаос!»

«Соал аас лос-лос!
ао ао
ао! ао
лоол саа Лаос!»

И мчатся быстрой ночи ноги
к нам
по изведанной дороге

ТЕРЦИНЫ

В глаза мне яростный уставил свет.
С лицом, как сабля в миг удара,
слова — как медленный летает снег.

Шепнул тихонько: «тіо саго
(он что — в Италии бывал?)
поговорим, о, друг мой старый?»

И я кивнул ему. Он взял
листок бумаги, авторучку
и что-то быстро написал,

затем, как бабушка на внучку
нежнейшим образом взглянул,
зевнул, пристукнул авторучкой...

«Придвиньте-ка поближе стул,
дружок... Ах, если б не работа,
с каким бы наслаждением я уснул!

Но — к делу. Собственно-то всех того-то
ответить на один вопрос
и всё. И это ли забота?

И если б вы не воротили нос
и дали б на него ответ
понятно — полноценный... Что-с?

... исчерпывающий: иль — да, иль — нет.
Известна вам такая форма?
Прекрасно. Вот вам мой совет.

Всё — фикция: этическая норма
и этот яркий страшный свет
и Бог, и вы... Всё это вздорно.

Так — дайте на вопрос ответ.
Он вам известен, друг мой старый...»
И мне в зрачок точней направил свет.

Шепнул чуть слышно: «тію саго...»
А рот — как «да», а глаз — как «нет!»
Лицо, как сабля в миг удара.

Слова, как медленный летает снег.

Тихо лодка вверх дном плыла по Оке.
Два чёрных орлана сидели на ней,
Северянин и Бедный.
Шли дожди. И упала на берег осень
в виде листьев, умерших на сером песке.

Тихо души умерших в тумане скользят
два чёрных гриба стоят у воды,
Блок и Белый.
Пустота и туман. И на все их вопросы
«до свиданья, любезный,» любезно сказать.

Тихо тени туманные тонут в Оке.
Пустота и дожди... Никакого следа
не оставили тут, умерев на песке:
Калуга, Коломна, Рязань, Нижний Новгород...
И другие пропавшие города.

* * *

Скажи, дружок, ведь это ты — та,
которая вчера была убита?
А если та,
скажи, дружок, будь проста
и вверчива: не видишь? я устал.
Доверь же мне, как доверяла маме.
Шепни и мне тихохонько убитыми губами:
ты — та?
Зачем мне, одному из ста,
явилась ты, не та. Или напротив — та?
Которая вчера убита
и тем же вечером зарыта
у тёмного куста.
И вверься: видишь? я устал.
Доверься, как когда-то маме,
шепни тихохонько убитыми губами...
А впрочем... разве это губы? Нет: уста,
усталые, как два листа
за стёклами в оконной раме...
Сложи не губы, а, прости — уста.
Скажи хоть что-нибудь, ну, скажем: Аустерлиц!..

Но ты стоишь, как шиш проста.
И наши очи август стёр с лиц.

И ночь, где темень трав густа,
как очи в начале августа.

* * *

Лежу я, спрятанный в себя.
День-волосок лежит, высок и тонок.
Никто не плачет, не любя.

Скрипит травинка подо мною
медленно одна.
Касаясь рёбрами и дня и дна
лежит спокойно утонувший поросёнок
в канаве у соседней дачи.
И не любя никто не плачет.

Или, или! Лама савахфани!
И в белом пенном сарафане
так высоко, так медленно лежит
в слепом саду соседней дачи
та, что вот-вот заплачет
одна.

Касаясь тоненько и дня и дна
так медленно, так медленно лежит...
И медленно гамак под ней скрипит.

НОЧНОЙ АВТОБУС

— Тэбэ куды? — В Александрию.
— То в иншу... — Ну, в Константинополь!
— Сидай!.. Последний день апреля.
Автобус. Я один. И поле.

Не зря ль лечу, не зря вокруг очами
к себе спиной брожу ночами
заметно опечален
собой?
К чему минутка хутко мчит?
О чём очами мне молчит?

Царапина, чума, несчастье — о, вечер настоящий!
Промчишь заведомо куда
под когтем согнутым блестящим
твой пух рассыпется когда?
В ночи скользящий львёнок плена
в молчаньи вслух...
Зелёный шум рассыпется, как пена
из золотистых мух.

Пустая станция и степь. И тополь.
И листьев ночи беспокойный дух.
— Злизай!.. Я глянул из дверей:
навстречу мне лежал Константинополь
в цепях из жёлтых фонарей.
В венце из золотистых мух.

У ДЕДУШКИ КРЫЛОВА

Барону летом в бок
кусалась очень сырость.
И кто б ему, сынок,
прислал кусочек сыру?
А пепельные платя, как шёрстки крыс.
А серые дожди коснулись крыш.
Пыльные глаза и свёрнутый зрачок.
Пепельные речи, тусклый слова сток...

В полости упавших стен
мчатся косвенные мышцы.
Скользко в мятую постель
лягут шерстяные крыши.

* * *

Пора издохнуть мне:
две чёрные хризантемы
махровый красный плащ
и женщина

и красно-чёрный её махровый плащ
волос

и тень под ними

В путь. Пора, я знаю, отдохнуть.
И в путь пускаться новый
под старым, как махровый мох, плащом.
Колючей проволокой и плющом
опутаны
мы оба плечем
расщепленным зрачком на клещи
скупого палача

скупого, как женщина
или участок
или старинной фуги тема

скупого на движенья палача
как две махровые хризантемы
на красном. На моей спине.
Пора уже издохнуть мне.

* * *

Всё лишнее оставлю дома
и в ад прибуду налегке.
Лишь сладкую снежинку валидола
я унесу на чёрном языке.

На запах серы и ментола
слетится новая семья.
И глотка чёрная моя
растопит иней валидола.

А может... в лишнего пуке
я второпях оставлю дома
и сердца крашеный макет
и снег прощальный валидола.

ИЗБРАННЫЕ ПОЭМЫ

СОЖАЛЕНИЕ О СВЯТОСЛАВЕ

*Святослав мой! шило пулемёта
твой висок проткнуло на заре.*

А. Туфанов

...Но
огорчённый неудачей
в петле необходимости повиснет
внимательный и хитрый аптекарь
...и
вытянув верёвкой шею
повиснет на верёвке шеей

и лето быстро оденется в поступок
и прыгнет страха точностью пот
на нужную удобную шею
аптекаря

и два его ученика
скрытно
из петли вынут шею его
точнее — вынут выю

и все:
ученики и страх и шея
и лето бешеное
пот
и пыль и я
питаюсь летом пылью шеей
пойдём, крича:
а где же мой сентябрь?

мой месяц жёлтых женщин
и милый мальчик май мой
мальчик слёз.

Тогда и дождь
и сумерки
и час простой
и прощя птичьих перьев
простой и прочный день
простой сентябрь и дождь
и сумерки
и образа в углу.

Плакучий волк выл над иконой.
Я вымя важного вопроса...

Плакучий волк выл над иконой:

«Я строгим зраком прорицаю
назначенные мне увечья.
И вот я новым
голым глазом знаю
обличье точное того живого дня
и страх пасёт меня.

И будет день живой
укрытый шкурою овечьей
и будет пяткой половечье
вмят человеческий мой живот
и шкурою овечьей
оденут мне утратившие шею плечи
и рот
рожавший жадно речи
умрёт
для живота живого дня
и голову меня
как голову предтечи
на блюде смеха отнесут
на суд.

И далее
на бешеном огне

в котле
измученном работой
мне
отварят мясо от костей
и гладкий мой
и голый
чёрный череп будут гладить
ладони липкие гостей
и губы рыжей бледной бляди».

Хнычет волка тёмный мальчик
ноги бега беспокоя
хнычет ночью бес покоя...
Снова нас проколет зубом
неудачи бледный бес
плачет-плачет бедный бес
на секретный вид задачи
в рот секреты уложив
тайный беса вид бежит!
Бегу — бегово побега
бег и Бог и бес серьёзный —
приглашение к побегу
бег и бок зазывный беса
бледный пуп и сладкий бег
и победный бледный бес
и бедро большой удачи...
Хнычет ночи тёмный мальчик
мальчик бега сладко плачет:

«Проказник дётей луся фэ.
Эфяс ейлу к дёт оз ни прок.
Эфяс улье тёдки наз корп.
Китуз онёлфр стй я пока е.
Суки пядл нр фйёзо э е так.
Проказник дётей луся фэ».

Хнычет ночи сладкий мальчик
мальчик бега стыдно плачет
мальчик резвого побега
злого беса важный мальчик
злого беса главный мальчик
круглый бег на блюде снега

крупный снег на блюде бега
бега Бог на блюде света
круглый бок крутого бега
бешен бег на блюде гнева
бок беды в тумане слева
Бог беды большой кого-то
бешеная блядь охоты
блядь беды на блюде снега
бешеная блядь побега.

Ну что ж! спеша беги!
прекрасен твоей души блошинный скок
беги! и берегись
опасен стук крови в жаркий твой висок:

«Что в имени тебе моём
когда с собой как Мы живу я
и к вымени тебя вдвоём
со мной мы нежно припадём
и станем влагу пить живую».

Что ж ты! спеша беги
напрасен твоей души безумный бег
всё так же будет пот твой красен
и будет кожу жечь тебе
и так же будет путь опасен
и так же жаден сердца бес.

И с вечера до вечера — спеша
без смысла, без надежды, без возврата
как пожилая лошадь за расплатой
на живодёрню собственной души.

Плакучий волк выл над иконой.
Я вымя важного вопроса...
Плакучий волк выл над иконой.

Задать кому? вопрос
и отчего? смешно
ведь тёплый лёд на блюде смеха
и нежный плач в одежде снега
и ходит лошадь красным кругом

и носит глупый глаз простая утка
косит его
и нос
и бедное её крыло-плечо...

Кому? и плечи
и пальцы зимы
и снег и сон
и носа красный клюв
и слабый слабый умер
упал смешно.

Упал на Киев тёмный ангел.
И твой зрачок как страшный ангел.
И ночи нетопырь как дикий ангел.
Звезда упала на траву, уставший ангел.
И слабый свет забыт за ставней
как добрый ангел.

Упал на Киев жёлтый лист
погибший ангел
один, другой...

1975

АВТОПОРТРЕТ

Палитра:
красный синий белый слабый
чёрный грустный серый убитый
тёмный
ч
к.

Я — Вюзий Фцы Фальк г-н Щеёж, хио, ючь.
Чьи очки — глаз нетопыря
чутьё памяти
чей лоб люб нелюбим и не любящим целое
части любви
чужь двух морщин кожи, признак забот
часть забот — пот летом и гусиная смерть старой кожи зимой
чьи волосы — крылья мотылька
чистых линий лёгкий сон
 лёт летом, луг, слепой танец пыльцы в жизни цветов
чьи мысли упрятаны в крылья мотылька
 младенец мысли спит в крыльях мотылька, люля лета,
 похороны бабочки, ветер, дождь, и придушенный дру-
 зьями кузнечик.

Я — Вюзий Фцы.
Который в крылья мотылька упрятал младенца мысли
который высал на лепестке крыла ау! летним дням
 и всем сопокойным ночам ноябрьской страшной ночью
когда ветер
когда разбив яйцо твоих опасений нашёл зародыш будущих печалей
когда праздник вечера
когда желток твоих печалей — шип яичницы-змеи на сковороде ужина
когда ветер ветер ветер дождь
 шум ветра и шип яичницы ноябрьской ночью (6 ноября 72 г.)
который придушен раньше, чем в нём нашли целесообразность.

Я.
Где стебель шеи — излом и слабость
стебель травы
корень дерева.

Я и дерево.
Корни страха, ствол противления
ветви желаний и на ветвях
больная птица неудача
листья горьких слов
слетающих осенью
гол зимой одет летом.

И птица.
Клюв жадности — острый жест
крыло ветренной памяти
топорщатся перья зла.

Я — Вюзий Фцы г-н Щеёж, хио, ючь,
дерево ветер птица
листьями роняющая перья
крылья мотылька
любовь лета
шестое тёмное ноября
лёгкое письмо в Л-д на крыльях
бабочки в июне.
Это я.

ПРИЛОЖЕНИЕ КО МНЕ 1

Белый Баран ест Тёмную Траву.
Его пища — труп травы.
Его пастбище — могила трав.
Могильная плита — гробик мрамора
каменное письмо детям:

«где?	там, тут
откуда?	из темноты в темноту
куда?	проходной двор с круглыми углами
как ?	12 шагов по нитке молчания
когда?	11 часов 30 минут местного времени 24 ноября
зачем?	так...
за что?	или убили или — либо убили били
кто?	мы
кого?	нас

чем?
откуда?
где?

лезвием печали, скользнувшем в плен живота
из темноты в темноту
там — тут».

Письма грядущему сыну
на гробике памяти
холод мрамора
чья тяжесть — плита забвения
плита — пастбище травы.

Тёмная Трава ест Белого Барана.
Труп барана её пища.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Ветер
ветренный ветрило
вертит ветряное вертенье
верти! ветр терв рвёт
врага ветрил три ветра
тройня друга тройня слепня
ветр вертенье вруна тервяное
вот рте тре рувт ру врет
врук кру ве тры тряной
вертки.....

...в губы мне улыбаясь ложится
синей бабочки тонкая грусть
...пусть короткого срока птица
стережёт голым глазом пусть
...пусть и ты и другая мне снится
и не снится пожалуй пусть
...мне в улыбку легко ложится
синей бабочки тонкая грусть

.....вертки
тряной тры ве кру врук
трукт вертенье вруна тервяное
тройня друга три ветра
тройня слепня ветры рвёт врага
вертит ветрил тервяной ветр терв
верти! ветряной вертенье ветрит
ветренный ветрило
ветер.

1973

РУСЬ ПОГАНАЯ

утро день вечер
ночь утро день
вечер ночь утро
день вечер ночь
и сумерки...
разве это не так?

деревня озеро и сад
и белая коза
и слабость и цветы
и ты
и скрип ступеньки деревянной
и дом пустой
и деревянная веранда
и они
которые идут
скрипя ступенькой деревянной
и деревянное крыльцо
и слабое и мёртвое
дерево в саду
и ночи деревянный стук
и деревянный шаг ноги
и деревянный стук
в глухую дверь
и деревянный сердца стук
и дерева умершего в саду
усохший сук
и сладкий лук
на грядке кроткого рассвета
и синий сад
и слабая и белая коза
в тумане.

Где точит птица чёрный клюв — лови
лови! рыбку случая.

Лови! рыбак на удочку счастья — часть я — комочек плача — платочка
комочек — часы времени тик-так — так на Днепре в год случайной
любви... но сначала что такое Днепр: он весь люлька случая — ребёночек...
но сначала что такое любовь и ребёночек: кукиш счастья скуко-
женная ладошка, вода и песчинка — кукиш небрежен — скажи-ка мне,
а правда печенежин нежен? — увидим... Итак: рыбак случая. Днепр —
то место, где порог быка по рог утоплен и вид порока очищен от
вранья, страха стыда, как снять одежду с белой бабы — Днепр, рыбак
случайный свидетель, рыба с белым брюхом, и год случая 6480.

Год 6480. Князь Куря куря кизяк, князь случая. 200 тыс. слов и
движений в минуту, 200 тыс. слуг случайности и всадников
случая. Курина мудрость — куриная слепота: лёгкий лист сле-
тает с ветки слабой, ляжка жирная у Святослава, кожа нежная
у Святослава. Печень славная у Святослава. Печень красная.

Куря, куря кизяк:

признайся, щупал в пути заснеженном
печень нежного печенежина?

Скажешь, блед

страху крылья глаз сложив:

ах, милый князь!
и без того мне сложно жить
известно — я случайный сын ночной охоты
мне мать — четыре чёрные капли из печени печальной
а мой отец — почти монгол удачи...

Куря, прикрыв частично зрачок

щуря свои разнообразные лица:

зачем трясешься, брехливая псица
теперь ты бледнеешь кур лица
кыш-кыш! тебе, голая курвица
попробуй может ха! блеклою горлицей
ты отлетишь за Хортицу?
ха-ах, не русь, а птичник
а ты — подкурьего хора птица
когда отрицавшая мор птица
к завтраму уже сморщится
ага! завидев топор птица
ворохом страха топорщится!

прыгает ночью за белой курой
волк белокурый —
эх, щупай, Куря, куру!

Итак. Куря случая — 200 тыс. случайностей — рыбак случая — крючок случайности — белое брюхо случая — смерть белой рыбы-бабы зимы — смерть случая и синий... синий Святослав: скажи, не правда ль, печенежин нежен? и плачет рот его украдкой между случайными словами?

Итак — слово случая:
школьник зрячего шакала
ученик слепой удачи
педель падали
ура! вскричали
крутя педали
удовольствия они
ура! у рака
хвост-бич ученика
клешня школьника:
педель.

Сначала что такое нежность: поймать и сволочь беглеца отрезать, ту сволочь подлеча, что слеплена из глаза рта щеки и снова глаза носа лба ушей у шеи и пучка сволочей, короче, сволочь головы поймать и взрезать, и красный рай ему устроить, и сволочь плечей очистить как порок от кожуры, а кожуру повесить на верёвке случая и просушить, потом очистить череп, молоточком тук-тук случайностью оковать и осмотреть внимательно работу, и пригласить на смотр гостей, и факел ночи жечь, и в рот вливать вино случайности — степь-Днепр-череп-чаша — так птица точит тёмный клюв:

эй, а подать-ка мне
ещё красного вина
и ветра и синих песен
и синие речи синие речи
где птичка цинь-циринь-циринь
и эта ведь сволочь увечья
любила случайные речи
так пусть все цари полутёмных птиц
слетают ему на голые плечи.

Ах, год случая №. Святослав случая.
И синий синий цып.
Петля, лепит лепет птен.

Задушен ловко цып птенца.
И плачет робко птен цып.
И вышитое полотенце
и образа в углу.

И пойманная птица птиц,
иначе — перевесица.

Молва поганой срачицы — скупь лодия. Значь, на перевесице Перун аль Рашид. Сам деревянный, голова серебряная голая, ус злат. И прочая ватага, Даждьбог, Стрибог, Симарьгл, Мокошь, Хрсь, Велес, Стрий, Позвизд, Ний, Чернобог, Лада, Ульян, Лель и Полель, Святовид, тьфу! Ничь жряху кумиру. Язвит прелестного кмета и яд печенежина целует грезна прелесть. Ярыжка у пре паволочиты перстью непраздной играет буй отай сыновца. Бирючъ пре ядь кроме зря, но былие туне зрака вежа и лука: аминь. Перст багряницы дивий ласкосердие пыха работы. Тай таль уя в терему уже цери.

Перевесица, где ловкий ловчий
ловкая охота

и неловкая еда:

ловушка птиц — ловкач — кач лова — ловкая ловля — ля вол кай — ловушка птиц неловких

точка — точная капля — цапля — цап! лях пах малоросса — цепь — цепь дней-цапель, капель — ночей, топь и точная ночь, болото легкомыслия — лёгких мыслей — болото болтовни лягушек — ляг у ушек слова снова — царь лягушек цапля — капля точности — цап!

и точка

и

череп — чёрен — черенок — чёрный рынок, сожжён на медленном огне — чернь ликует — лик куёт мне новый — куёт, кукуёт кукушка мне — как? кук — и всё

и

череп чёрен — репка случая — чёрный рынок — четверть кило гвоздей да молоток да медный лист — и рви нос удаче — вот насудачил, слуга удачный налебезил — на судака поймал рыбака — репку — репейник в горшка черепке — ох, и чёрен череп!

Но добрая рука — сама ладонь доброты.

И десять добрых мальчиков на ней

и путаный узор

итог: и точный когтя блеск

разгадка жеста...

Но мальчиков простая жизнь
и каждого особая судьба
и жизни жест
и линии простые лба
и полночь доброты
но ты:
и точный глаз соска
и тонкий палец у виска
и сумерки
и в синем хрустале цветы
но ты:
лицо летящее в ночи
как плача падают листья
в ночи
и листья слов
и очень очень белый лоб
и плача падают на веки
навек
тени снов простых

и путанные линии ладони
и красные цветы
и ты
и ночь чужая в вазе на столе
и плещет полночь в синем хрустале
и странный запах твой
и ночи странный запах
и этой комнаты...

а в комнате другой
чужое быстрое дыхание
на кухне кап-кап-кап воды
и тень беды
за той стеной
секретное глухое бормотанье
итак
летающие листья
и кап-кап-кап цветка
и ночь беды
и ты
и странный запах.

1975

ПТИЧИЙ ЦАРЬ

*Над ними выюжными очами
в лучах хрустальных я летел.*

Б. Ф.

ОГЛАВЛЕНИЕ, части черепа Птичьего Царя или обезглавливание птиц.

- 1 — Почему?
Птица-Я.
- 2 — Путь яйца к полноте.
Собственно полнота.
Дополнение к полноте.
- 3 — С тёмными на тёмном языке.
- 4 — С птицами на птичьем языке.
- 5 — Пища птицы — червь.
А пища червя — Птичий Царь.
- 6 — Чуть о жене Птичьего Царя.

1 и 2

Итак: гортань гортензий зубом зимним пилить.
Или так: гортань Днепра смотреть порога рогом.
Или: плыть печальным пуком
в который слепо слеplen я
насильем чьим?
ручей случайных капель
вечерний тёплый чай на даче ожиданья
не чайннне вдруг друзья...
случайные ручьи — ничьи? иль птичьи? чьи?

вопросов личики-носы, les petits чьи?
вопросов лучики-носы:
«не знаешь, милая, как долго
мне оперение тревог носить?»

Случайность лучиков, пучок печальный
нос любопытства и ничьи друзья
Кто-Птица я:
перьев-перьев на теле рассудка густые одежды
и на столе рассудка гостей ненужный бой.
Где бражник-брат — измученный изгой.
Где стражник-враг — изученный тобой.
Я — Птица-Птичица,
я — Птичий Царь.
В моём яйце — залог яичницы
её странной жизни.

Образ жизни (путь) яйца:

- а) яичко смысла в личике личинки
 - б) скорлупа страха на свадьбе слов
 - в) желток глаза птичьего поиска, ночной охоты
 - г) желток-сердечко жены, убитой в ноябре 73...
- Итог — яичница слов на сковороде усилиий.

Итог не полон (плен итога не точен) ,
поэтому к полноте:

лететь — лепить полёт — лёт, лёд, мёртвое движенье, украденное —
вор-ворон летящий — вран, враг — овраг, где прячется враг — ворон,
урон — урок и несчастье — врать, средство убийства — рать, полчища
для убийства — орать, кричать в ужасе — пахать ужас криком рад — лад
— лёд — синий лёт.

Оправдание полноты
собственно, говорю я, полнота:

в любом целом виде путём последовательной подмены частей, при ус-
ловии получения каждый раз нового целого, можно достичь далёкого
от первоначального, представлявшегося недостижимым вида. Так
Коза может превратиться в Волка:

коза	или	коза	или	...
поза		лоза		...
пола		роза		...
полк		рога		
волк		нога		...
		нора		...
		пора		...
		пола		...
		полк		...
		волк.		

Отсюда мой взгляд на Лист Липы как на Нож Ночевника.
 Это моё право на Птичье Царство как право сожительства в себе самом с самим собой.
 Промчался торопливый белый ливень.
 Будет ли новый день?

Дополнение к полноте:

Когда — страшный обман спрятан в пучке волос лошади
 а в призраке совы непрочность вещей
 и нечаянно убийство жёлтого паука
 не печалься, милая.

Зато потом — свободная мелодия в волосах дня
 а ночью волосы ветра
 и ночная ложь и может быть
 убийство лошади синим пауком
 тогда сова — пучок гибелей
 тогда жизнь.

Тогда — печалься, милая!

3

С тёмными на тёмном языке.

Глаз в сумерках зимы.
 Птица-цапля на прямой ноге.
 Роды бабочки.
 Туча над маленьким городком на юге,
 смерть Моцарта в си миноре...
 Тонкие свечи.
 Слишком большая страна в Азии,

нож у яремной вены оленя,
его печень,
снежный шорох ткани на теле
Короткое слово
синим вечером
В полночь
в коленях Моцарта
молчание попугая по имени
Городской лес на площади

ожидания.
Дания
ожидания.

ожидание.
ожидания.

Городской лес,
чаща, чашоба, гуща:

рыжий везде
рыжий всегда после запаха зверя
зверь рыжего всегда после запаха
после закрытия театров в 12 вечера
рыжий зверь

капля воздуха
воздух — капля духа возле красной двери
худой дух у закрытия дверей в театре
капля красного на дух дверей
красный дух

роса зевка
чаша сока лёгкой росы
зов плечей — лечь, сладкий зевок
резать зов плечей, лёгкий зевок
сладкий зов

Теперь — тронь любимого, трепет любя
терпи любимого! укусов лёгкий рой
теряй, роняя сон, лети на сладкий сок
укрой росу на красном дереве дверей укрой!

Теперь — украдкой, шёпотом:
украсть.
Чаша города горда чаще горести.
Укради.
Любую любовь
и короткое слово

нож	ожидания
у яремой вены вечера.	Ожидание
дождя кустом сирени	
тонкие свечи в ожидании	ожидания
вечером в сумерках	
печень цапли в ожидании	ожидания.
Слишком большая страна в Азии.	
Помнишь снежную ткань	ожидания
на севере на теле	ожидания?
Маленький городок на Юге	
глаз	ожидания
в коленях Моцарта.	
Синий лёд	ожидания.

4

С птицами на птичьем языке.

Ночь — бык оседланный — тёмная капля
 ею моется инок
 как лепесток губы у флейты одиноко
 бык оседланный — ночь.
 В стремя времени ногу вдень!
 День впереди — светлая капля.
 Ночь заплакала
 тая глаза
 на руки.
 Мне наруку реки бегущие как коза-цапля —
 беглая капля
 тихо кап! пока
 нежность своя же и свежая
 скок скок сорока
 у порога срока
 от осоки
 снег ушёл и нет его:
 светлы и ясны травы секретные.
 Ляжешь у вас в коленях
 когда незабудки цветут в низу живота
 а вы — не та.
 Козлики бегают нужно
 веселы радостью нежной

свадьбы зовут.
Лески сбегаются на ласки лопарей
лопаются почки озёр на рассвете
не спугнуть бы, думает лис у мудрости истока
на лепестках все мошки — дети востока
лукавство потоков
лики лукавости
луковости глаз теребят
поют-ноют.
Юбку не мните, что, мните
себя уютною?
Осенью оглянуться зрачками-колодцами
узнать, некому у лани быть ленью
выросли травы у ягодиц
не мните же ягоды лиц!
Ласки ланей южны
цветы скрывают секреты
Лели играют забывчиво
не помнят прошлый год:
«Ягод сладких в это время не найдёшь
синих глаз со стеблей тонких не сорвёшь
жди покойно: дождь пройдёт узнаешь ты...»
Раздвинуть стебли и
там они скрыты
зарыты.

Напомню :
слепо слеплен пучок печальный — я.
Насильем чьим? ручей случайных капель
вечерний тёмный чай на даче ожиданья
не чайные вдруг друзья
случайные ручьи ничьи? иль птичьи? чьи?
вопросов личики-носы... les petits чьи?
вопросов лучики-носы:
«не знаешь, милая, как долго
мне оперение тревог носить?»
Случайность лучиков
пучок печальный — я
нос любопытства и ничьи друзья.
Кто-Птица я.
Перьев-перьев на теле рассудка
перьев перьев густые на теле рассудка
густые надежды

.....	рыжий звор нёс дух случайности
тахи йс	Утром
чури судожнл	когда торопливые ливни
свий сёзр	листьями моют крыльцо
тса очх нуун	а ясеня плачи пугливы
йдрй ссои ёвж	войти ко мне бы могли вы
зыр йо жир	войти ко мне ты могла бы
зворы худ	шалью укутав лицо.
сё	И я узнал бы: глубоки
ачул стс.....	твои чудовейные сини
.....	и тонкие речи далёки
.....	как прежняя жизнь России.
.....	Движенья спокойные губ
.....	открыли б иные страны
..... онй.....	ресницы качнулись бы странно
.....	тёмным дохнув ау.
.....	рыжий звор нёс дух случайности

Ничьи иль птичьи — чьи?

«Неженка-дождь капает

небрежен как рука твоя

ткущая ткани вер...»

Ляжешь тебе в колени

когда незабудки цветут в низу живота

а ты — не та

и часто

и птицы падают, сражённые несчастьем

сверкают хвосты русалок

оппадают чешуйки — жаль

блестят лучиками

лучики скачут солнце садится

в нору лисицы

зажигаются светляки

вдыхают озёра-венки

плывут в свете лазоревом

далёко, где воскресают Лазари

и ветер промчался туда за облаком вдогонку:

«в лодке печалься тонкой»

Лель поёт или:

«неженка-дождь капает

небрежен как рука твоя».

На лугу уже пуст

у огня котелок.

Пища птиц и птица-пища.

Не гляди туда, не нужно!
 между тем взглянувший нежно
 вызвал тени недавних снов
 слов
 так небрежно.

И увидел:
 в секретном углу
 червь спит.

Тогда пришлось одеться робко
 и флейту неуверенную — свой шёпот —
 неслышно вынести
 чтоб не привлечь внимание червя
 уснувшего случайно ненадолго
 и чтоб не стать его ужасной пищей
 как это было в том сне
 придуманном для устрашения ребёнка.
 Лепесток губы флейты удерживал все тайны
 как держат яблоко едва надкушенное...
 и опасные флейтины паутины:

«Милые, вы так постарели,
 так печали льёте ушаты,
 как стареют вечером лишь свирели
 у порога дня утраты.
 Ваши слёзы легки, сладки?
 О, да, и диваны у вас мягки,
 и у вас в саду украдкой
 любят бабочек светляки,
 дом, где и я снимаю пальто,
 где теней утомлён тон...
 Где любовь годами отмыта,
 а тревога лаской укрыта,
 как укрыт одеялом сон.

Припев :
 одеялом укрыта
 зыбка-корыто

ночи копыто
ночи карета
мчит под уклон...
помни секреты!
ночи карета
мчит под уклон
птичий поклон
сон».

Не гляди же туда, не нужно!
пусть слово выпадет случайно,
тогда поймашь нежности хвосты
пучок их слепо слеплен
нос любопытства и ничьи друзья
иль птичьи? не гляди, не нужно!
Между тем, взглянувший нежно я
увидел:
на яблоке надкушенном
червь недоверчивый совсем не спит
ужасной пищи ожидая
озирая меня как пищу свою
как я — свой сон.

Одеялом укрыта
зыбка-корыто
ночи копыто
помни секреты!
ночи карета
птичий поклон.
Сон.

6

Чуть о жене Птичьего Царя.

Тёмные яблоки — сорт коленей.
Две зелёные капли... изумрудный
дождь. Вечер.
Губы глаз.
Словечко-колечко укатилось за пах.
И синий запах.

1974

ШМЕЛЬ РАДОСТИ (Слепок)

Что есть письма?
Ветры полого падающие.
Что есть письма?
Позы лиц опудренных Пьеро.
Что есть лица?
Ягодицы волн речи.
Что есть речь?
Тёмного цветка рассвет.
Что есть цветок?
Гнездо мотылька.
Что такое мотылёк?
О, знак лета.

Память осени. Его читать на почте: угол Свердлова и Горького в час когда говорят «уже закрыто» и торопят в могилу день. Где незнакомые люди и полно чужих писем.

Что такое письма?

Нежные ветры, полого падающие в ягодицы осени и в волны речи, когда тёмного мотылька рассвет качает позы лиц опудренных Пьеро. Гнездо мотылька — знак лета в память осени на углу Свердлова и Горького, где незнакомые люди и чужие письма.

Свердлов-Пьеро падающий когда качает нежным опудренную осень речи где в письмах мотылёк-Горький — знак. Гнездо позы полого углу. Лиц ягодицы. Улиц ветер. Волны тёмного цветка... рассвет лица лета... и память незнакомых людей.

Люди людей — люди, где люди люты: лютее людей. Лужи люти и люди,

люди. Очень люди и очень осень

осень

осень

осень

осень

осень тёмный цветок — ок цвета. Тёмный тём. Цветок осенней лжи, жи живота и та, умершая во лжи. О, тёмный выцвет лжи! Лжи лужи, где темнота жизнь лжи: жить

жить

жить

жить

жить

жить тёмным цветком. О, тёмная цвечокь лжи. Лжить я нтеё цвкомч жаил и оят. Гцеь — в мян жка тая ь... ёлкл мцо. Жи в чи — нжль чоке! В пяа нмёт ан: мёт кевця жль чои. В позе Будды, сказал Кручёных. Поэтому:

то, что есть — постоянно ускользает в то, что было. А что было? Память слов. Что ещё будет — дым бессловесный. Ах, схватить что есть за хвост, пленить его пение. Назовём это слепком: когда время спит, опираясь на художника.

То, что есть — желток яйца-слепка, мёртвый цып.

Разглядывая труп цыплёнка, художник заключает: то что было есть то что будет. Он заключает себя в трёх лицах времени, воскрешает всех покойников и общую задачу: воскрешая, прорицать.

Принудив музыку предметов, записанную цветом, и музыку слов, записанную линиями и расцветенную кровью, работать, пророк привлекает себя в качестве едока к результатам пророчества. Иные видят его как бестелесную радость, радость весеннего бессмысленного насекомого. Как радостного шмеля или

ШМЕЛЯ РАДОСТИ:

Запах речи
слов скольженье
звуков огненных движенье:
«Я — золотой шмель радости!
и в латах лёгких лечу».

Стадо чайний в молчаньи
(в заливных лугах) устало
станом таяний цыганьим
(лошадей испугом) стало

Мои чайнья:	Мои чайнья
мои чайнья	мои чайнья...
мои чайнья	мои чайнья!
Мои чайнья	мои чайнья! мои
мои чайнья	мои чайнья
молчание	молчанье.
Как? и где?	
	молчанье чая
у дверей меня встречаю...	
кто?	

ыл н ы поверьем? Кто за столом чужд и в пальто?
Кто заст ужд Мы вам опустим воротник.
олом ч и в пальто? Кто застыл нужды поверьем?

Молчание. Мои чаянья мои чаянья мои чаянья
мои чаянья мои чаянья мои чаянья
мои чаянья мои чаянья мои чаянья
мои чаянья мои чаянья
мои чаянья! молчания — мои чаянья
мои чаянья мои чаянья мои чаянья
мои
чаянья запах речи слов скольженье
звуков огненных движенье:

о! золотой шмель радости, златой золы радошмель! звуков звона, о!

1971
(См. полный текст
с цветными картинками.)

КАИАФА

*«А взявшие Назарянина
отвели его к Каиафе...»*

Мтф. 26, 57.

КАИАФА: К твоим влеку плечам

мою печаль: плен
плед
плеть
клеть
клёст
крест
крен
крон
урон
урок
срок
скок
скор
скол
скот
скит
слит
плит
плеть
плед
плен

план :

точный плен речей
закутать в плед забавы странной
затем стремительную плеть кабаньей дикой кожи надёж-
ную, внимательно ошупанную клеть, надёжней когтя животу для рваной
раны

...птичка клёст прыг-скок
полна старанья: червячок...
затем старательно тяжёлый крест шипами шить в излом плечей
следить получше, чтобы крен креста не помешал игре...
и шелест крон былых речей:
тронь трон — крест.
Птичка клёст прыг-скок:
червячок.

А плен речей скользящий — чей?
когда обманчиво увлечь
в изломы стай полночных плеч
и в зелень глаза взором лечь.
Слетают листья слов на плечи
их шорох — дорогие плачи
движений блеклых тает речь
ах! в зелень глаза взором лечь
и знать урок — срок
птичка скок
червячок.
Гвоздик в гробик быстро скок
кушай дядю, червячок
рыбка, кушай червячка
дядя любит судачка
гвоздик любит в гробик скок
любит дядю червячок.

План :
точный срок речей
закутать в скок забавы странной
и вечной прочности скор бич кабаньей дикой кожи
надёжней когтя племени суда, скол живота Учителя, надёжней раны
затем следить пристально, чтобы скот не помешал игре креста, на
пастбище потея
разрушив тайный скит нагих моих речей
где свет слит в грех
ничей.

Холод плит.
Молот-плеть.
Молох-плен.

Кто вознесен — червячок?
или — судака крючок?
или дядя-светлячок?
Кто из гроба быстро скок?
скор скок.....скок скор
скок — скок
скор скок.....скок скор
у калитки бешен спор:
за калиткой чуден клад
пред калиткой страшен хлад
клад
клёв
клад клюв клад
клад хлад клад
хлад
хо...лод

НАЗАРЯНИН: Мне страж — холодный щит лица
и речь моя защитница
награда — медный звон лица
и ночи сыч бессонница.
А помнишь? ты в меня играл
в меня бесстыдно наряжаясь
как жёны волка в него. И волк-отец
совместного труда в ночи небрежный жрец
как дети волка ног неверность чуя
к тебе, одетому в меня, лечу я
к тебе, наряженному в ласку
к тебе, одетому в тепло.
Ты в маске лета. Но под маской зло.
Я в латах белых луг пахал
змеиный сон зелёных пут.
А ты сычом ночным летал
и перья медные в меня метал
томительных бессонницы минут.

КАИАФА (открывая окно): Царство твоё, гляди. Двухногая овца-насекомое видит множество своё в стаде и знает свою силу. А сила — признак зверя. Так овца-насекомое-зверь, чьей шерсти качество определяется силой, положением в стаде.

В различных местах выбриваемой и разной длины оставляемой шерсти наружные различия особей. Иногда следует на узде предвидения приводить в стойло одного из главнонасекомствующих (совет поэта), изучать его заслуги, особо длинные нижние конечности, особо выпуклые ягодицы... или особую одежду со странными украшениями на плечах и груди. Их ценность в количестве значков на пластинах нелепости. Другой вид одежды — мягкая шляпа, длинный кремовый плащ, галстук из чёрного шёлка и вставная улыбка — связь речи с книжечкой из красного во внутреннем кармане. Различие усматривается и в расположении красок на панцире. Они же свидетельствуют о единстве. Его грамота: крыло бабочки — лицо самки. Для более успешного изучения друг друга, любимое занятие, овцы-насекомые-звери скапливаются на пересечениях троп. Так у водополя.

Город твой, гляди. Муравьиные тропки-ручейки, струйки-трупики, украшенные кустиками шерсти, тщательно пригнанными друг к другу и к хозяину-носителю. Тропа — улица твоя, гляди. Два ряда хохота, уверенного в своей целесообразности. Его открытый зев — путь ветра. Два ряда хохота глаз, увлечённых троицей: пища, кровать, нужник. И радостно называют пищей мясо отличных от себя тварей, определяя отличия способом употребления конечностей, их числом, положением относительно горизонтальной плоскости, а также привычкой носить или не носить зонтик.

А также насекомое-овца-зверь охотно ест мясо в присутствии соседей и в свою очередь любит рассматривать их весёлые в этом упражнении. И отводит для таких игр особое место, исполняя ритуал украшения себя и чужого мяса травкой и ягодкой. В этом его отличие от просто зверя. Он также убивает намного больше, чем может съесть. И мало убивающий жестоко наказывается многоубивающими, так как многоубивающие отличаются лучшим положением в стаде, как сильные. А сила — заслуга зверя.

Большая улица — зевок хохота, икотка площади. Ей помехи: ветер и дождь, мешающие кишеть кишащим. Кишечник кишащих, его качество, его различные расстройства, определяет их различные отношения к жизни. Он — источник различных идей. Хохот-щёлк улиц, щёки лиц, зубы ласки для скитальца: «на площади пасите лошадей! кормите поросёнка цепью слов!»

Вот краски для умельца:
небо — синь
тополь — рыжь
камень тропы — черень
флаги — красень
крыши — прочны
крыши нор — шляпы стада
стены — губы старика
дверь — дупло в зубах смеха.
Крыша стены дверь замок
у окна хозяин томен
перед ним багровый томик
хруст страничек, запах краски
на обложке в гладкой каске
голой, кожа репы как
профиль стада вожака.
Крыша дверь хозяин том
муравьиный дом.

А мой слеп ставнями ночью
и днями лета.
Когда злой зной злит змей
в горячей гальке побережья Газы.
Там обеды из пяти блюд обязательны.
И тщательное одевание к театру
смесь духов с яблоком.
Большая комната ведёт особый образ жизни
пропуская прохожих в две другие.
Там моё публичное сожительство с одной из них
не мешает мне изменять ей ежедневно.
Там состоящий из трёх слепленных я
распределяю свои составные по трём комнатам,
из которых меньшая —
в ней крик задушен
в решётке окна
запахами сада.

Решётка окна — паутина семейных отношений:

- а) печальный паутины пук — вязкий плен
- б) крики, просьбы, плач — уныние

- в) ау
- г) отдых в тени тополя, дня светляк
- д) насилие и угрозы использовать присвоенное право мучить.

Перечень праздников:

Новый Год, волки у ёлки
и дикие крики на улице в мае и ноябре.
Кухня как праздник, через неё выход в сад
а там калитка
кот пользуется щелью в заборе
и улица.

Улица — два ряда хохота кишат кишашими. Зевок площади при кормлении поросёнка цепью слов. Щёки лиц. Пути ветра. Пересечение путей, тропок-ручейков, струек-трупиков, украшенных пучками шерсти, так у водополя.
Город — там двуногая овца-насекомое видит своё множество и находит в этом свою силу. А сила — гордость зверя. Царство твоё, гляди же!

ВОСТОРЖЕННАЯ ПЕСНЬ КАИАФЫ

его крик в зев площади:

Движений наших рыбка-роль
в клубке запутанных сетей
как носорога грозный рог
во вражьем мягком животе.

И в час, когда с порога слова
блеснёт игла зрачка строга
мы провернём свой рог суровый
в паху старинного врага.

И враг не сможет деток новых
из чрева злого извергать.

А мы, стремясь суровой пищей
ход нашей жизни очертить
желанную забаву сыщем:
врага старинного убить.

ЗЕВОК ЗЕВА

ропот стада:

.....пядь.....
.....голь.....падай.....зверь.....
.....пень.....распни.....хлеб больно... нет, о, о! Осень. Прост бей где
распни ег музыку ау беги скорей гвоздей ах! Покажите. Вороны перья
гнев красно. Зубами дайте мне где он? О глаз во тьме его речей. А,
а, а, куда-а пусти. Скорей распнигораспнигораспнигораспни скорей
осенний лист где слушай пророк пыль тих плеск и тихое проро-
чество услышать плеск осенних листьев и пыль на пальцах ног и тех
у рта и та которая любила лгать и та где тих еск лист чтоб слу
осен брыз рек рог и ыль на паль у рта и кровь на нас и детя речь
долга и руки любящие лгать о долге. Долог, скорей. Распни жрец.
Жаль жар.....дайте.....зубами красный.....перья гнев
ворон, ау.....ах
бич.....бей.....
о.о.О.....пень.....
.....голь.....

КАИАФА: Мёртвый пастух лучше резни в стаде.
Гляди. Вот царство твоё.
Зелёный луг, весёлое стадо.
Но жажда мучит всех:
роса не падала ещё.
Ещё пастух не плакал
не орошал траву слезами.

НАЗАРЯНИН: Ты в серебряный сочельник
выпусти сомнений пчёл.
В памяти потайный ельник
этот год, скорбя, ушёл.
Будет ли тебе удача
среди охоты новых дней?
Или вновь пробудят плачи
шорохи души моей?
Только знай: в сочельник ясный
с золотым полётом пчёл
я тебе иглой прекрасной

в память навсегда вошёл.
Ну а ты, невольник зрячий
посреди игры кольца
вдруг поймёшь, недобро плача
и меня и Отца.

Ты поймёшь, игрок невольный
впереди игры конца:
мне назначен плен венца.
Мой венец — чертёж короны
и воссядет в светлом троне
Сын одесную Отца.
Ты страшись: воссядет в троне
жрец ошуюю Отца.
Вот зачем в сочельник ясный
с золотым полётом пчёл
я тебе иглой прекрасной
в память навсегда вошёл.

КАИАФА:

Ты тихий царь зелёных глаз
и мягкой рыжей бороды.
А я в плену недобрых слёз
свободный пленник тяжких риз
и круга книжников седых.
Ты тихий глаз зелёных царь
но в мягкой рыжей бороде
таишь летящий свет лица
законного тебе отца
всегда которого нигде
удел которого везде.
А я внутри игры кольца
свободной лошадю в узде
ускорю бег копыт конца
тебе, зрачков зелёных царь
твоей опасной бороде:

холод плит
молот-плеть
молох-плен
точен план.

К твоим влеку плечам

печаль и палача: плен

плед

плеть

клеть

клёст

крест

крен

крон

урон

урок

срок

скок

скор

скол

скот

скит

слит

плит

плеть

плед

..... плен.

1973

ГРАФИНЯ СС

Вчера высокое качалось колено
на нём напряжено свистящее сукно.
Краснея, бросила кобыле: балуй, но!
И хлыстиком с колена сбила пену.
Ремень от сумочки свернув в кольцо
нащупав пальцами его и вообще — начало
и шорох времени, и шорохи вокзала
и голенища шорох... и сказала:
сегодня, ныне отпускаю раба Бориса моего!
Ваше сиятельство, графиня! Вы помните...
Я видел вас... ещё вчера
вы подошли в мундире светло-синем
со знаком отрицания в петлицах
и мёртвая петля лица
и профиля «банзай»
а рук «ура»
под рукавом мундира светло-синим.
Ваше сияние так было негасимо
ваше сиятельство — никак невыносимо!
Звездождь, укушенная стрелкой
как молнией, и бархата возник
покорный, как ручная белка
суббот насущных вялый ученик.
Графиня ночи! как ручная белка
и беличий высокий воротник.
Софья Семёновна, СС, графиня
я жизнь провёл на вашей жизни половине
после рождения и до него.
А вы — вы прочь бросаете того
кто на плече шуршит, повинен

как тот, с короткой стрижкой ёжик бархат чёрный.
Подмигивают молнии на звёздах плит лиц.
Не раб я, Софья, просто — Бог, покорный
таинственному знамени петлиц.

И вот теперь, усердствуя, калмык
или второй слуга твоей руки — татарин
и тоже — беспримерный ученик
ткнул в мой живот, мне в жизнь, стремительным ножом
и раной мне живот состарил.

И линия разреза привела
меня в тот день и в ту слепую ночь
в сад-лес.

В день запахов и звуков
в ночь ожидания цветов
травы дождя
дождливый лесосад
в одежде осени...

В ту ночь меня три гостя тёмных посетили.
В ту ночь меня составили три тёмных гостя.
Да я.

И вот нас стало пятеро:
два я и три суровых гостя.
Но вот вопрос: кто эти я —
гость, или так, хозяин робкий?
И кто из нас другому пища?
Кто нам, потёртым пятерым
накрытый сытый стол?
Вот основное: избежать ошибки.
Вонзите всем, всем нам, потёртым
надменный кол осины в сущность спины!
Все гости за одним столом.
Бессилен их хозяин.
Бессилен наш хозяин.
Итак — меня настало пятеро.

И в следующую слепую ночь
я высосал из шеи друга
багровое желанье жить.
Солёное желанье жить.

Знакомое желанье жить.
Моя жена на тонком стебле
носила лёгкие черты...
На третью ночь уже знакомым
движеньем зуба
я стебель прокусил
и пил чудесный стебля сок
и пил прекрасный стебля сок.
Я пил чужой мне стебля сок.

И после... многими ночами
слепых дорог
я выходил в привычный путь.

И вот:
мой красен зуб
и пот мой красен
язык и речь багровы.
И я бегу.
И, повторяю, так как все бегут
прижавшись тесно к ночи
мы тоже побежим
в тот день
и в тот высокий суд
в слепом лесу.
Когда умерших род столпится
и будет внимательно глядеть
наш красный рот
и красный зуб
язык, испачканный багровой речью
привычные ухватки упыря...
И наши все привычки
и ухватки
осмотрены внимательно и тонко
будут.
Я знаю.

Я знаю — будет день
и ночь, когда опутан талями
как две борзые, перетянутые в талии
внесём свою судьбу
на пристань с корабля.

А там и стадо в суматохе дня
и я, опоясован в талии
ремнём от сумочки в кольце
пастух и бык тяжёлый
и конь и всадница
и конь
плюющий пеною над всадником убитым —
пасём свою судьбу.

Там точка света в дня конце
и дочка женщины
которая в кольце
рассвета
думает обо мне
«да».

Быка тяжёлые бока
и выбитое дно у бочки
и дочка света в женщины конце
и точка дня в пустом кольце
и колокола дуновенья дух
глубокомысленный пастух
и мечущийся в клетке боров...
и там, у тела, точный запах
в короткошерстных мягких лапах
и злого дела скверный норв
и мы по-прежнему бежим
и все бегут прижавшись
и стебель всех прокушен
и норв всех послушен
и льётся стебля тёплый сон
и колокола дуновенья «он... н...»
и чёрный нрав быка пугает
и тёмной кровью истекает
и лось туда проистекает

пиши, лось, соли шип!
громи, наган, и морг!
йога нос... о! Сосо нагой!
Скелета папы — папа телекс.
Я и нога, тенет агония
от тени лоб отлетел, то боли нетто.
Йод зуб араб уздой

яд, я, да дядя
яд — яда дядя
я, да дядя — яд, яд, ад я.
Уда в лени — синел в аду.
Буди шара параша дуб.
Тот суп ел, оплёл поле пустот
йоду удой.
А своё — овса.
Итак — кати:
уди в лени
удивление.

Из ран прольётся норов каждый
под колокола нрав
изрань нарыв — ночёрный нрав
кто виноват и прав
боль — ль боле! ль было?
Боль, оль, ль, ъ...
Кол, ол, л...
Колол колокол: дон, он, н...
Колокола дух: ух, х... дом, ом, м...
О, колокола духвон ом, он... н, ом, оль... ль, ъ...
Кол около колокола клока
клокотал как клоака колол коль! оль, ль...

О, призрачный кол дум, коль дум колдун не волен,
скажи как около доколе Софья Семёновна, СС, колено —
неловко спрятаный в трепещущий как скол кола
клад колокола:

мои надежды, Господи, помилуй
мои старанья, Господи, помилуй
мои одежды, Господи, помилуй
мои страданья, Господи, помилуй
и крик цыплёнка, Господи, помилуй
и крылья ястреба, о, Господи, помилуй
и кровь унылую, о, Господи, помилуй
чужую кровь мне, Господи, помилуй
мои значенья, Господи, помилуй
весну и осень, Господи, помилуй
и слов неточность, Господи, помилуй
и прочность заблуждений, Господи, помилуй

и слабость сердца, Господи, помилуй
и пытки, предназначенные мне иными сердцем, Господи, помилуй...

всё, что я знаю, Господи, помилуй
и что не знаю, Господи, помилуй
невыносимое, о, Господи, помилуй!
И наши дни, о, Господи, помилуй
и ночи наши ноши, Господи, помилуй
холодный день, о, Господи, помилуй
и холод сердца, Господи, помилуй
и гробик сердца, Господи, помилуй
холодный гробик сердца, Господи...
Холодный день, о, Господи, помилуй
холодный белый день, о, Господи, помилуй
бездонный день, о, Господи, помилуй
бездонных дней моих начала, Господи, помилуй
мои начала, Господи, помилуй
твои начала, Господи, помилуй.

Себя, о, Господи, помилуй.

1984

КАСЛИ

(Рождение ямба)

Ув. редакция!

Преодолевая врождённую, и вопреки всяческому воспитанию сохранившуюся во мне интеллигентность, выражающуюся в отвращении ко всякого рода доносам, каковыми по общему убеждению являются все виды переписки с редакциями, в том числе и отклики самих редакций на доносы других, различные интервью и анкеты, отличие которых от преждеуказанных лишь в том, что последние имеют счастье быть доносами на самого себя, не без мучительных усилий, замечу, преодолевая — пишу вам это письмо, принуждённый к тому ужасными обстоятельствами, чуть было не поставившими меня на край пропасти, вернее — таки поставившими, и лишь благодаря проявленной мною неизвестно откуда взявшейся изобретательности и энергии, противопоставленных им, спасённый, и с поднимающимися от ужаса волосами при мысли о тех, кто по моим стопам и в тех же обстоятельствах не проявят указанных свойств, ибо откуда им будет их взять, поскольку отсутствие привычки ко всяким «вопреки», а также просто сведений о таковых, о наличии таковых в природе, не позволят им, притом, что они имеют на то все права и надежды, извращённые лишь тем, что вам угодно называть случайностями, а мне б молчать, но если уж тоже угодно — то назвать злонамеренными, не имеющими себе равных по коварству преступлениями, или ещё того хуже, если слово хуже этого может быть у вас напечатано, и поэтому я вам пишу. Из вышеизложенного вам, конечно, уже ясно, о чём пойдёт речь, дурак только не поймёт, и я прошу прощения, что начну с sacramентальных выражений, но что делать, если именно они удобны в обращении и лучше всяких других выражают суть и контуры событий, особенно таких, имеющих такие же далёкие и страшные последствия, как те, которые заставили меня писать такую фразу, как та, которой началось моё письмо. Теперь заметил я, что стал писать проклятым ямбом, не

стану объяснять вам этот феномен, скажу лишь, что причины те же, и перейду к простому изложению событий, которые своей немислимой и страшной простотой зывают, нет, всеслышно вопиют к огласке и отмщению, имеется в виду, конечно же, вмешательство властей, системе наказаний предержажших. Значит так... однажды — это вот и есть сакраментальное словцо, с которого начать я угрожал, и начал, что же делать, если это было всё действительно однажды, то есть — раз один, имеется в виду — со мной, но, кстати, от того сам факт становится значительным не менее, а более, однажды ещё и потому, что этот раз единственный имеет точный адрес во времени, но и в пространстве: 10-е январь тыся девятьсот восемьдесят шестого года, город Касли. Итак...

Однажды, млстигосдари... нет, проклятый ямб! Начну ещё раз...

Однажды в студё... Боже! в «Студебеккер», сука! Итак — в последний раз: однажды...

Кажется — теперь в порядке. Нас, слава Богу, пронесло, не в том, конечно же, интимном смысле, а в смысле облегчения просто, хотя и в том интимном смысле имеется в виду всё то же облегчение. И всё же — пронесло, пусть будет это слово. Я перечёл своё письмо, и, ув. редакция, нашёл, что в общем-то сказал я ясно о радости, которую испытывает каждый, попав случайно на указанное место, да ещё в тот же самый день. Простите мелкие погрешности моей машинке и заодно отсутствие полей, я, кстати, шляпы предпочитаю узкополюе, у этого имеются иные, объективные причины, но тут не место им, я только выражаю уверенность, что отвращение писать что бы там ни было одолевая, тем самым, разумеется, продлив его, не пропущу... как бы точнее... своего трамвая, это шутка, а если б говорить всерьёз, то меня не оставляет уверенность в успешном — то есть, породит отзывы и меры наказания — воздействию на жизнь настоящей переписки, что приведёт к разрастанию туризма, а стало быть — к увеличению удельного веса радости в жизни, к которой причастны пока лишь некоторые — униженно, надо сказать, мизерное число этих некоторых, чьи врождённые качества позволяют им вопреки всяческому воспитанию... но с этого-то я и начинал.

С искренним уважением
Б. Ф... кстати, вместо
постскриптума:

Передайте Владыке, чтоб запретил!

28.78.96 и ещё второй
постскриптум :

В Касли мы попали часа в четыре дня, нас было трое. Некто У, некто Ф, некто, разумеется, и я. Автовокзал в Каслях на площади перед громадным храмом, колокольня не менее Ивана Великого — в семнадцать

этажей жилого дома, но последние в Каслях вовеки предпоследних не имели, имеется в виду, что все строения вокруг такой громадины в барочном стиле, Петербург или там Киев, а есть ещё такой, не знаю точно — Будапешт, имеется в виду, я повторяю, что окружавшие огромный храм строения были избы, за исключением двух угольных сараев из бересты, одной собачьей конуры и каменного дома, выкрашенного акварельной краской поверх обычной серой штукатурки во все имеющиеся в наличии цвета, а после ста лет одиночества, дождей и снега, смерти и рождений внутри и множества такого же снаружи, проклятый ямб!, он стал своеобразной смесью готики с модерном, подобным земноводнобожим твореньям, которые оставил в Барселоне, не нам, известный архитектор Гауди, который бросился с последнего творенья башкою вниз и с тем почил, зато уж совершенно ясно, что этот акварельный домик не тот, с которого свалился автор, а если таковой и был, и факт подобный поимел там место, то сотрясения от падения такого хватило бы не более, чем выбить из головы самоубийцы хмель, а уж никак не жизнь, или там ум, для этого последнего, некстати, и со рока бы этажей и ста бы не достало, имеется в виду, чтоб обнаружить какую либо там крупницу мозга у упомянутого персонажа, хотя бы и таким свирепейшим манером — сучий ямб, пристал ко мне, как блядь на именинах! Чем больше борешься с ним, тем, зараза, хуже, имеется в виду инфекция... устал я от этой содомической борьбы! Однажды, да, начну опять — однажды нас было трое: У. Ф. Я.

И с нами ямба до фига. Всё бесполезно! Акварельный дом был скромной каслинской аптекой. Я заглянул в неё, там было пусто. Однако в нашем тройственном сознании мелькнула диспозиция: за стойкою аптечной в шалевом платке, небрежно, аккуратно, кокетливо наброшенном на плечи, с лампадным личиком, со вдовьими глазами... Ну и так далее, и У, и Ф, сказали. Затем мы с боем взяли право на автобус и смылись. Это всё, поскольку остальные рейсы отменились и нам влогонку выл весь тюркский тамошний народ, оставшись за бортом.

Мы поняли, что были на волосок от гибели. Тоска по огоньку лампы, самоубийству ровня — есть ведь и такие способы — и непреодолимо притяжение такого места, как непреодолима могила или женская чужая суть. Я знаю, не достань тогда билеты на этот пароход, автобус то есть, мы бы навсегда остались в Каслях. Откуда это чувство? Вернее, знание... Оттуда, откуда странно ноет сердце, когда припоминаешь диспозицию в аптеке. Отсюда знание, что ты уносишь ноги. Так, умирая, в сущности, мы знаем, что с нами происходит. Вот ещё примерчик: мы летим — и так и думаем об этом: мы летим. Вот так же точно и я знаю: всё это родина моя, к которой чудом я вернулся и чудом смылся из неё, хотя я никогда не жил в ней, не родился, но я смылся, если, правда, это факт, что я когда-нибудь и где-нибудь родился... А через

два часа и У. и Ф. сказали, что видели, какими жуткими глазами глядела мне аптекарша, придуманная нами, вослед. И что на Каслинском автовокзале они мне этого нарочно не сказали, чтоб я всерьёз не принял этот бред. А, в сущности, вопрос стоит наоборот: не мы его, а он нас... принимает в рот. И так бывает дважды, или каждый, хотя б ты сто раз написал «однажды» в начале каждого абзаца, в конце любой твоей строки: так страхи Божьи велики. Тому свидетельство — храм двадцатизатяжный, среди десятка юрт и фанз бумажных, для четырёх сюда заблудших христиан, три из которых — У. Ф. Я, четвёртый же не знает ни... о, ямб! Нет, в самом деле, в аптекарши истомленном и вдвоем теле, и упомянутых её глазах, куда девичьи мысли пролетели через коричневый прилавок: я, знаете ли, тут проездом... автобус, расписание... мороз... и до утра... и кто же знает точно... и будет ли завтра день... ну да, я понимаю: все вы тут проездом, а не проездом вы такие где?

И даже больше: все мы на земле проездом, не толико на этой, а везде.

Случайные попутчики? А, понимаю... И приступ язвы? Ночевать?

На этом плюшевом диване, который есть косматая кровать.

Укороти строку. Нет, я не тронусь с места.

Я за прилавком лаковым невеста.

Молчу, мордовская богиня

так, ни о чём, с ноги молчанья встав

своём, молчания устав

устав в три маленьких статьи:

умри, умри, умри.

А в сноске прочитай: прощай.

И все они мои, ах, и не говори...

1

Поговори мне напоследок что-нибудь

и положи на руку руки

хочу послушать ни о чём

2

пусть внятно следуют за звуком звуки

на языке бессмысленном твоём.

3

Поговори-ка напоследок ни о чём

и никому, как дети моют руки

пускай проследуют за звуком звуки
на языке бессмысленном твоём.

4

Пусть ничего слова твои не значат
и речь идёт не об... а просто речь
которой не смеются, но не плачут
не повествуют, не судачат
не лгут, не режут матку, не контачат

5

короче: существует речь, а существует речь

6

такой же факт, как, скажем, аптека в милом жутком городке
урал с полуэтажными домами вокруг высокой колокольни
и разумеется — аптекарша, и шаль её косматая касается затылка
полу у губ, полу за плеч
в углу вокзальная немислимая печь
на ней полуналитая бутылка
и полувзгляд, исполненный любви и смерти пополам
и милая ужасная улыбка
необоримой слабости и хрупкой силы, крика и молчанья

7

до свиданья

8

и молчанья
и запах горький сладкий и целительно смертельный
в мохнатых валенках проходит к чёрной печке
подтягивая мягко гирию на часах
а за прилавком в полужизни в полуснах
аптекарша тысячелетьями и пальчиком вторым толкая
меланхоличную вертушку
полустоит-полусидит
а та полумолчит... полускрипит

короче: существует речь, а существует речь

она не более чем знак, что можно, наконец, прилечь
 хотя б вон тут, в углу дивана
 так позволение навсегда прилечь
 и... погоди! в диванный этот угол
 как в сокровенную строку романа
 невыразимую иначе, чем есть

она ведь обручение бессмыслицы со смыслом
 и свадьба климата с одной из тех погод
 кото... но снова — погоди

так, видишь ли, нет, слышишь? дорогая
 там, где вступают в брак «хочу» и не «хочу»
 совокупаются и разлучаются сидения со спинкой
 в той сокровенной складке мебели, где все лежат
 и ты, голубушка, лежишь, а я вот, кажется, лечу
 кому летать, кому от этого лечить, я это знаю
 собственной рукой всё это и верчу

родная

ещё теплее: бедная моя
 я сам себя сейчас не понимаю
 а ты... бывает так некстати замолчу
 споткнусь на гладком или вообще без места
 не понимаю

ну, а в общем-то я знаю
 чего хочу

теперь — повтор: а существует речь
 которая кроме себя не значит
 и вместо «об» в ней будут случки
 пророчеств и молитв доносов и приказов
 нетронутая скорлупа лишённая желтка
 свободы паутины и опасность
 осенние полусвященные парады
 погода и оркестр порядок и гардины
 случайный профиль на обложке книги
 разнообразнейшие родины и однотипные любви
 томительные лики незнакомцев
 и незнакомок на морщинах старых фото
 в альбомах дальних отпрысков распавшихся семей
 в углах непостижимых антресолей
 и фотокарточки, как маленькие зеркала
 в которые глядятся бледные, как лярвы, гости
 похожие на загнутые уголки
 в тяжёлой телефонной книге
 её измятые, и вообще — углы,
 и числа угловатые, как радость
 как мать, и как отец, и сын, и времена
 и всё огромное бормочущее время
 стальные ягоды крыжовника и куст его
 куриная слепая котлета на тарелке
 ноги колено, муха, мокрый веник
 и Моцарт, и дыра в углу в полу...
 в полуокне, полузиме, полуудушьи
 в стене и наволочке на подушке
 дыра в душе, пробитая одним ударом сердца
 удачным, памятным, из-за угла
 тем самым — наконец и навсегда
 и непричём тут перелом обеих рук
 закрытый после переломами иными и иного
 и станция Тайга в тайге
 китайский гонг и медный таз с вареньем
 кипящей абрикосовой весною

17

той дикой абрикосовой весной

18

и день сегодняшний — автобусов пропажа
аптека язва и диван
и на полу у полужёсткого дивана
таз алюминиевый, брат того, с весной
полунаполненный застывшей чёрной кровью
двенадцати таинственных перстов
и комья красной липкой ваты
и комната и числа эти угловаты
и ты и стены с угловым окном
и угол моего уже дивана
в котором как в строку романа
к тебе лечу, вернее — к ней
к её глазам, вдвойне крылатым
с победно вписанными в них углами
в твоей — её — руке котлетка
полуобъеденно-слепая
а я своё над тазом таю
двенадцатью разверзтыми перстами

19

она зрачками во главе углов глаз
скосив туда зрачков таблетки
зима у ней наброшена на плечи

20

и сразу опознаю я
косматые глаза её

21

о! эта дочка-мать здешних мест и Божья и моя!
с лицом из клавиш старого рояля
и с мыслями из пёрышек глухого соловья!
меня из снов своих совь
меня же из меня же пь

86

меня же сквозь меня проля
и навсегда, и наконец, начаясь и печалю
она меня назад в себя вольёт
сквозь неизбывнейшие клавиши рояля.

22

Куда ж я льюсь? непостижимый сын её
вечерний, жуткий, чахлый, мощный
податливый и непреодолимый
в ничто несотворённый, плача и шутя
необязательный и непреходящий
мужчина, женщина, никто одновременно
труп старика и всеохватное дитя.

23

Всё рано, вовремя и поздно: «нет» и «да»
заключены навечно в «наконец» и «навсегда».

24

Поговори мне напоследок , кто-нибудь
и навсегда мне положи на сердце сердце
пусть, наконец, оно стучит для стука самого

25

пусть дверца означает только — дверца
на языке осмысленном его.

16. 1. 86

ДВЕ БАГАТЕЛИ

АЗ или ПАРАНОИК

*Паранойя (греч. безумие) —
хроническое заболевание.
Характеризуется навязчивы-
ми бредовыми идеями.*

Слов. ин. слов

...и целый ад в душе моей.

М. Лермонтов

1

В последнее время я веду сложный образ жизни, одновременно в двух городах, опираясь в этом на двойственную жизнь бобров. Он опасен обычному одному, но я складываюсь из многих. Основные: исчезнувший для других и прошедший сложение со мной, и отказавшаяся от себя в мою пользу. Теперь я имею три лица и обращаюсь к соседям понятным им. Иногда, устав от неопределённости места во мне, лица затевают побег и тайно появляются одетыми в люди, лукавя со мной — единственным узнавающим их. Тогда на тонких стеблях глаза и голоса, советующие не забывать, из видов незнакомых людей выглядывают прячущиеся беглецы, и постоянные беседы с беспокойством — странной птицей, прилетающей вполне неожиданно. И так, я не понимаю: называть себя — мы? Но моё мы так непостоянно...

В одном из двух городов я снимаю комнату с диваном и двумя стульями за деньги, необходимые мне куда больше, чем сдающему. Сидящая на диване моих мыслей, ты ли постучала в дверь?

— Морёз, — сказал Аленин, входя: всегда ожидающий лицом.

Я обернулся собою, отогнав странную птицу. Она присела в углу, спрятав неудовольствие в крыло. Рассмотреть её, изучить, можно только как постороннюю, вот такую, отлетевшей подальше и ожидающей ухода гостей. Но ведь часто гость занимает всё внимание хозя-

ина, и птица пользуется этим, укрывается обоими крыльями и рассмотрению вовсе не поддаётся.

— Едем. — Аленин не расстёгивал пальто.

Почта представляет собой место, где люди получают и отправляют разное. Мы глядели на толпу отправляющих телеграммы, беспокоенную непродолжительностью 31 декабря. На подоконнике писал старик, постепенно увеличивая буквы и поворачивая строчки к диагонали листа. «... но как английские дамы», так думал я чужими словами. Отказавшись от мысли поздравить знакомых, мы сели на 13-й и поехали к Финляндскому вокзалу, помня задуманную ночь за городом и обдумывая чужие разговоры.

В пригородном поезде мы, уже семеро, открыли вино 777. Я разглядывал Пушкина в гладкой обложке и думал о восьмой. Её не было с нами. Семь — семья, восемь — семья, ждущая прироста, беременная девяткой. Девятки вообще неопределённые и беспомощны. А мой выкинутый ею беспомощный — где блуждает? Где они все, обманутые надеждами на приобретение самостоятельного вида? В каких лугах...

Один из нас, с красивым лицом, спросил ни у кого: «а ждут ли там?»

Мы опаздывали. 31-е за окном вагона, темнотой скрывая намерение бежать, принуждало шурить глаз при высматривании нужной остановки. Уже на ветке сидела русалка и ошипывала чешуйки, уже мельник стал вороном, когда укрылся Пушкин своей синей обложкой: к Сосново подъехали.

— А волки... бывают? Здесь много леса, тёмного.

Некогда я беседовал со странной тварью, не часто бывающей в этих местах: она добра и пуглива, о сочувствии, об одиночестве. Чем я мог помочь ей, я, не снимающий пальто в гостях? Не опускающий воротник за чужим столом? Я помню, странный зверь называл причиной своего одиночества отсутствие любящих его. Неправильно. Одиночество — это отсутствие любимых. Что ж теперь, добрый и пугливый умер, и вопрос исчерпан. Но я помню его слезящийся глаз и скромные движения. Его полунагую подругу.

Придя на место, мы внимательно обошли летник: был снят за 15 р. и с утра натоплен. Появился обиженный нашим опозданием хозяин. Всё прятал рот в морщину улыбки, как деньги — в карман.

— Вкусный снег, — попробовал я. — Помнишь день вкуса дыни, когда летающие паутинки лепили тебе лицо? И: знай, я старею без тебя?

Не отвечала... А пусто было в летнике и тепло. Лес в низкое окошко лез: место у стола оставьте!.. голый. Оставь его, он вечера добыча.

Наши взгляды, вывезенные из города, боязливо искали признаки ночного заселения леса.

— А волки — бывают? У ёлки увидим Новый Год, минуту появления. Так и было, где неизвестная птица смотрела наши забавы. Был час, когда и мёртвые встают. Оба моих дорогих мёртвых, белых козлят, украденных волком. Беглых козлят... где ж ваша бедная мать? Положилась на скудное число

прожитых вами дней,
на надежду, на «вам видней»?
А злая утомительная память
уже желает сердца ком помять,
уже коза косматой шерстью
метёт усталые следы
и волка дикое нашествие
тревожит пышные сады,
и мечется в плену избы так
испуга властного избыток,
что ворон тёмный, вольный вор,
полёт голодный смехом стёр,
чтоб мясо тонко полюбить чуть,
чтоб нежно приласкать добычу.
Коза! Пролей печали плачи!
Волк от желанья занемог.
Плачь много: за большой замок
напрасно ты копила плату.
Лишь ветры звонкие стремительно
прикроют веки хрупких окон,
избу, забытую небдительно,
оденут в хитрый тайный кокон.
Они укроют шерстью скомканной
унылые комки козлят.
И судеб новыми потёмками
от волка страстности освободят,
а глядят —

где: мы у ёлки задавали каждый себе вопросы, оборачивали их к но-
вопришедшему году, и ответ усматривали в таких пустых случайнос-
тях как подмигивающая свеча, или неубедительное пророчество ку-
кушки

— глаза украденных.

В летнике стол уже глядел разным, когда мы вернулись из леса. В те времена убийца ещё не был убийцей, и речи были лишь чуть тре-
вожны, да и это не помнилось у огня. Ночь как правило одета в день,

тревога в огонь, так нужно ли беспокоиться? Нет, если нет бессонницы и есть вино.

Но кто-то всё же заглядывал к нам в окно, сияя лбом у луны в соседстве, шуря нос стеклом. Зачем? тёмный... И без напоминаний известно, что твоё жилище — моя душа. Твоё, чьи постоянные спутники — слёзы. Зачем же принимаешь ты вид постороннего, показываясь не только мне, а всем — как ты жуток, предатель?

Уже все давно спали, было 7 утра, когда и я уснул, устав дожидаться их пробуждения. Тварь, зверь бывающий нечасто в этих местах, пришёл украсить мой сон своим присутствием, спросить: «тихий угол — а там ли мы все? Возможны ли заклинания плачем?

Попробуем: ах! чуть-чуть порхни нечаянно

свой крылатый глаз таинь

а и чуждь мою окаянну

окуни обманом в синь! Возможно, именно такие заклинания приводят с наружной стороны к окну собственное беспокойство заклинателя. Принуждают прижимать холодный нос к ледяному стеклу, звать то, единственное лицо, любимое паутинками в день вкуса дыни, стареющее без тебя».

Во сне я шёл по знакомой улице, уверенный, что найду нужную дверь без посторонней помощи. Но трудно узнать дом бабушки и бабушки после их смерти много лет назад. Табличка сверкнула на дверях: Д-р Ф... Полдень и лето играли на булыжнике снаружи. Внутри была ночь, запах кладбища и серебряная постель.

Следующее относится ко времени, когда плотно закрыты ставни, хрустальный луч продет в дыру сучка, и я лежу в этой постели.

— Кто здесь? — Это спрашиваю я. — Чьё?.. то кружево серебряное простыней и твоей рубашки, ты, вошедшая тихо?

— Ты не узнал меня.

— Нет, но я ждал, много лет назад... или вперёд?

— Вперёд. Теперь ты узнаёшь меня?

— Подойди, я плохо слышу тебя...

— Так — хорошо?

— Ближе, рядом!

— Узнал?

— Но подними лицо, кто... А! Узнал. Я узнал тебя, девочка, смерть моя. Ты вяжешь, ты плетёшь полёты, обняв меня, но что ты, что ты!

На этом месте я испугался и проснулся: сердце глухо отбивало 7 утра.

— 1-е января, — сказал сурово один из нас: с красивым лицом.

Остальные не возражали, хотя ещё не рассветало.

Вначале он целовал мать, потом других женщин, и ходил со своим красивым лицом, отзываясь на обращение «прапорщик». Почему? Так многим хотелось, а ему было всё равно. Он помнил, мать называла его «Георгий». Я всегда узнавал его по суровым взглядам и движениям. По его постоянной, никуда не направленной настойчивости.

Когда у запруды лукавый бобр выказывал своё сходство со мной, прапорщик подошёл к нам. Тогда и звери и люди были одно, и годы были одно, и никто не догадывался о непостоянстве такого положения вещей. В тот день я продолжал изучение жизни бобра, начатое мною из любопытства. Прапорщик был первым, кто не осудил меня за это.

Мы ходили в город обдумывать увиденное. Я настаивал на сходстве с бобром, отбрасывая различия. Прапорщик предпочитал различия, а общее находил случайным совпадением. Было время начала общения с будущим, последующим собой. Мой учитель был ещё мёртв: справедливо определивший меня — достойным. Пользуясь его словами: как ты красив с лицом злодея, я осматриваю теперь судьбу прапорщика.

Русалку я любил, не вынимая её из воды. Совершенно не беспокоясь о том, что и вода прозрачна и непостоянна, как русалка. Пример бобра стерёт меня, гнал беспокойство-птицу: недалеко её гнездо. Русалка состоит из русой и алкающей. Опасная жизнь её очей, слабый лепет и быстрый хвост, не мешающий играть...

Я ничего не знал о бытии слов и о неожиданностях при их определении в поступки. В то же время я ждал определений, превращений: а ты — не та. Но расценивал природу моего ожидания как покорность нужному. Потому и приготовления бобров к зиме, предполагаемо — суровой, ведь нужно сохранять тепло, и все

бобров несложные надежды
рукой пристальной изучая,
я знал, что был давно погублен
умерший лист у смелых губ
и глаз ночной скользкий тайно
и тень дрожащая случайно
и речь бегущая слезы мне:

«ты странный странник синезимний».

Так я усердно составлял слова, которые должны были повлиять на отношение ко мне русой. Я понимал всё их значение, но лукавил с собой. Так ли? Ведь, в сущности, я призывал несчастья, составляя эти слова. А и сказано призывно: не ешь плодов этих.

А и тихая была осень и тёплая. И паутинки любили нежное, влажное лицо. Синие свету уже плакали о растущей короткости дней. И вот пришёл он, день вкуса дыни, объявленный днём ухода. И я произнёс прилежно составленные речи, нарушив всё привычное:

— Когда вернусь издалека
смущён настойчивым сомнением,
то будут ли просты движенья
и так ли будет речь легка?
Но может быть, в тот день истающий
в мир странника и ты войдёшь,
как входит тонкий светлый дождь,
уходят старые усталости.
Когда вернусь издалека,
увидишь ли: мой вечер — ясен,
хоть поселил во взгляде осень,
хотя его рука робка,
мой вечер — вот он, и пока
летит путями палых листьев,
та ночь тревожная повиснет
в его ресницах, замерев слегка.
Я этот вечер принимаю,
когда вернусь издалека:
но будет ли тебе легка
твоя приветная строка?
И что я из неё узнаю?

Я говорил торопливо, в жесты вкладывая подлинные значения слов. Так я открыл один глаз узнавания. Так я начал открывать себе последующего себя, уже отличающегося от бобра поведением. Прапорщик, ещё не ставший убийцей, тревожно подслушивал, но не понимал. Он уже носил черты своего будущего лица, не замечая этого. Уходя, я назвал его «Георгий».

Длительное время я находился в гостях у людей. Уже когда входил в город, многие смотрели неодобрительно: осуждали мою глухую одежду и открытый беспокойный глаз. Мою жизнь с русалкой и бобрами. Я же не судил их, занятый соединением разрозненного себя. Ах! поймать хвосты нужного и плачей по нём! Пленить их, связать в одно, удержать хоть на немного! Тогда, быть может, угадается значение слова Я. В городе я постоянно голодал и к весне устал от мнений окружающих, и от посещений странной птицы. От её коварства. Настороженный, я озираю случайные встречи и говорил: «Пора».

Где хижина у запруды, свой тёмный сон глядя, молчит: возвращение. Я так и думал: «Мои обиды спят здесь, мой прошлый вид». И я

был слеп на один глаз. И птица, тёмная, как сон хижины, сидела на моём плече.

А и тихая была заводь, и уже тёплая. Недовольный бобр глянул строго и смутился, узнав меня. Птица, переместившись на левое плечо, услышала: «Не вини меня, вини прапорщика, он...»

Глупый бобр! Ничего не понял в случившемся, а хочет себя спасти, подло боится наказания! А ну, верни украденное тобой, бобр-волк. Где ж безопасность заводи твоей, её секретность?

Да, а и у скрытных заводов

ау секретные заводят,

а и бобров унылый вид —

опасный заговор.

Когда тревогу одевал

веселья ветхой паволокой

и любопытных мав молоку

пищей взяв,

искал покойное жильё

и новоселье

у тихих заводов...

А и потайные заводит

скрытные заговоры

ау! бобров беспечальная быльнь.

Горит горячая звезда во лбу его — Полынь?

А ты, ощупывая спокойствие бобра

движениями вора,

не знал ли сам тревогу?

Что взоров ручейное синево,

где дики дожди одежд,

для лучшего лова лишь.

И вот, синие взоры — я снова ваш,

шаг отпечатал слово «конец».

Кто я? Неудачник-беглец

со своим мшеньем.

Но вот... виноватый бобр

из куста густого свой глаз показал...

Я увидел свою несправедливость к нему.

Я сказал, я открыл ему прощенье.

До вечера я лежал в траве, беспомощный, плача. Ночь уже приготовилась осматривать меня, мои заслуги. Когда огорчённый бобр подсказал: она старела без тебя. Она и сама так думала... Ах, прилежные слова, составленные мною и правильно понятые! Обернись, обернись скорее: успел ли увидеть нужное, мелькнувшее мимо? Всю наступив-

шую ночь я пытался поймать его. Пойманное оплакивание его уже металось в панике, прижатое моим неумолимым капканом. Поймав его самого к утру, я связал ему лапы собственными его хвостами.

Только теперь мой глаз открылся вполне и глядел на русалку как на отказавшуюся от себя в мою пользу. Это понимание — результат совершенно открытого взгляда на вещи одним глазом. Другой глаз ещё был закрыт и осматривал прошлое...

С тех пор погубившая себя для меня — часть моего составного, сложенного из нескольких, Я. Так я начал вести сложный образ жизни.

3

— 1-е января, — сказал прапорщик сурово.

Я любил его, а любя, читал как книгу заблуждений. И листал её быстро, ускоряя появление конца: знал последнюю страницу.

На стол сносили оставшееся от ночного. Каждый был нетерпелив. Пришёл хозяин летника топить печь, кланялся льстиво — думал о нашем вине. Аленин налил ему. Тот, поймав стакан, мелко задрожал. Выпив, ушёл, не благодаря. Печь нагрелась и мы сели к столу.

Аленин несмело предложил выпить за прапорщика. Робость обьяснялась предчувствиями. Я не возразил, зная: это начало.

— Иль се — останняя ступень к могиле,
иль се — конец несчастных дней,
всё — благо. На сковороде усилий
поджарим блинчики своих идей.

Так начал Аленин, указывая на бутылки, но глядя на прапорщика. Тот молчал, бледнел, и уже недоумённо глаз косил. Судьба уже увлекла их.

— Некогда, — так продолжил Аленин, — рыцари любили двояко. Поселяли одну даму в сердце, а всё остальное относилось другим женщинам. Нет рыцарей сегодня, но есть прапорщики. По меньшей мере — есть один прапорщик...

Он обратился к неизбежному лицу.

— И если для прапорщика сегодня дама сердца — бутылка, то всё остальное он относит женщинам.

Тут осмелел он: прапорщик не шевелился и глядел неясно.

— И снова по меньшей мере — русалкам. Кстати, как любят русалок? Где находится их счастье, если у них нет ног? Сошлюсь на Пушкина: и носят счастье между ног...

А и тихо было в летнике и тепло. Лес любопытный в низкое окно лез — место у стола оставьте! — голый. И странная птица обживала угол.

— Выпьем же за несчастных русалок и их прапорщиков! По меньшей мере, снова, за одного. И за его оч-чень странную любовь.

Так выяснилось недостающее: Аленин — паутинка, любившая её лицо. Затем птица зашевелилась в своём углу, и прапорщик ударил Аленина в висок. Так случается Нужное. Кроме нас троих, никто не принимал участия в нём. Зрители, наблюдатели, усмотрели в этом лишь случайность без Нужного. День, начало года, был сложный, составленный из многих. Но замечали это лишь участники его игры. И птица, молча сидевшая в своём углу.

Прапорщик курил в тени её крыла, оплакивая роль свою в игре. Обижено шуря нос, Аленин принимал соболезнования посторонних — по меньшей мере одно, моё. После соболезнований я предложил вернуться в город. Никто не возражал.

В поезде мы, семеро, допили вино 777. Прапорщик сказал мне: «этот Аленин не знает о тебе и русой». И ошибся.

Я опять рассматривал Пушкина и в перерывах объяснял прапорщику некоторые выражения из монологов мельника-ворона. Напротив сидел старик, писавший косыми строчками 31-го на почте. Я припомнил особенности его почерка и подчёркнутое одиночество в скоплении людей. Его тонкий взгляд. Я стал ждать многого от этих встреч с ним, они уже выглядели как нужное. А мне было уже известно, что слова и виды определяются в поступок, но не только: а и как происходит это превращение.

День торопливо одевался в вечер, помня о назначенной встрече с ночью. Наконец, укрылся Пушкин своей синей обложкой: к Финляндскому подъехали.

— Меня ждут у Канавки, — так ответил прапорщик на моё предложение зайти ко мне.

Мы остались вдвоём, я провожал его, простясь с остальными. И продолжал выговаривать усердно составленные слова, отлично зная их назначение. Твёрдо помня то, что будет.

— С некоторых дней неопределённо наблюдать
сидящую на опереньи веток иволгу
и долго, много лет, решать
что: одно — ударить и убить?
И что запомнить зло, ненужное однажды...
Нос вопроса задумчив нечасто,
чаще ничего не стоит ним за.
И невидящие синие глаза
за словом «убить» несчастья.
То хрустнул под ногой ледок.
То — ног тонок намёк.

Право уверенности в праве убить,
право, мне быть несложно
к судьбе прислонённым ушами,
лишь нужно застать прилёты
птичьих приметы
голосов, забытых немного
убитых у нежности порога
небрежно, как хрустнул под ногой ледок.
Подумай и ты, возможно
одно — ударить и убить.
Право, мне быть несложно
к тебе прислонённым слона ушами.
Видишь? Осыпаны вьюжными шалами
вон там, у Канавки Зимней
глаза синие
южные шалости.

Теперь он станет видеть в себе убийцу, я знаю его. И расхождения в наших пониманиях сходства и несходства с бобром мне памятни. Это расхождения в понимании неизбежного, в подчинении ему. Или незнании о нём. Он понимал неизбежное как свою волю, и право судить по этой воле. И право наказывать, осудив. И это право считал общим для всех. Я же, открыв глаз пониманием неразличимости общего и различного, прекрасно видел главное: то, что делает нас похожими — наше, а то, что делает различными — вне нас. Сквозь такое понимание отлично видно, как прошлое становится будущим, но главное — наоборот.

Согласно своей воле и праву прапорщик уже осудил себя. И теперь обдумывал приговор. Страх просыпался в нём, приняв вид необычной разговорчивости. Я понимал это, и не пытался ему мешать бороться со страхом. Он говорил сам себе:

— Лица её случайно читая
опаску лаской тая
отчего пугливее ливней
нужную узнал ли в ней?
Моей обители
обитой грёзами
коснулись морозы ли?
Или взвили памяти метели
минувших минут жители?
Где под маской северной
тонкая и неверная.
Моя безноса невеста

колокольцами увесила
косы свадебное чайанье.
Беспечальное венчанье
на отчаянья насесте.
И смеющимся палачом
костлявая моя невеста
на весёлом венчании
на отчаянья насесте.
И светами полуденными
на свадебном блюде нам
пирог прорубить
как во льдах — проруби.
На лужайках-блюдцах
гости тёмные смеются.

Мы простились. Уходя, я любил в нём суровость покорности нужному при полном незнании о нём. Его красивое лицо.
Шёл снег.

4

Теперь, так думал я, сидя у себя в комнате, у меня наконец-то три лица, и я могу обращаться к соседям нужным, приятным им: русалочьим или красивым. И редко своим. Иногда, устав от неопределённости взаимоотношений во мне, лица тайно будут появляться вне меня, наряженные в люди. Я один стану узнавать их.

Но я ещё не знал, называть себя — мы? Но ведь моё мы непостоянно... Сидящие на диване моих мыслей — вы ли сейчас постучали в дверь?

— Прапорщик утонул в проруби! — вскричал Аленин, врываясь в комнату: всегда ожидающий удивления.

Уже не разрозненный, я обернулся собой, отогнав странную птицу. Она неторопливо летала у потолка, бросая взгляды в нашу сторону. Кто-то тёмный приблизился снаружи к окну, блистая лбом у луны в соседстве. Оба украденных у меня, наряженные в люди их лица, уселись на шкаф, внимательно осматривая меня — причину своего появления тут.

— Так нужно, — сказал я.

— Что нужно? — спросил Аленин, удивясь сам.

Птица опасно махнула крылом. Взволнованные лица на шкафу зашевелились. Тот, за окном, размазал нос по стеклу. Ах! вот где занавес убрали и покатались глаза шариками в стороны ушей:

«Говорю в который раз», — закричал я гневно, — «или в леса уходя вы, не отличающиеся от бобров, не задумаетесь, наконец? Лес растёт, чтобы разместиться в себе всех вернувшихся, и огрызается радостно крылозверь. Задумайтесь, теперь искать вам жильё в корнях, в пещерах бестравных. Вы рыдаете у казни одного из вас. Отлично. Вы отвечаете, рыдая, на вопрос «помиловать» — нет. Прекрасно. Вы говорите: жрать хочу и зреть хочу, как другие жрут. Превосходно. Вы нашли пищу себе — себя, так обрадуетесь ли, найдя зверя в себе? Что вы всё повторяете — хорошо, плохо, это хорошо, это плохо, откуда вам это знать? Плохо ли, что птицы улетают и прилетают постоянно? Или что спариваются животные весной настойчиво? То, что вы считаете существующим — лишь дым беспокойства вашего, уверяю вас. Между тем ваше существующее постоянно ускользает в прошлое, его не поймать. А действительно существующее — ещё не состоялось. И оценённым по этой причине, и изменённым по этой причине быть не может. Можно ли его назвать по этой причине плохо или хорошо? Назвать то, что просто нужно?»

Скажете: кто ж назовёт так или иначе всё, что нужно, если не мы?

Говорю вам: а зачем называть? И не назовёт никто один и собравшись вместе — не назовёт. Один, называя нужное хорошим, убить может, подтверждая хорошее. Другой назовёт это плохим, и его кара — убьёт его, назвав своё убийство хорошим. Затем придёт третий или собравшись вместе придут. И одно и то же сто раз хорошим, и сто раз плохим одновременно будет.

Собравшись вместе? Среди собравшихся вместе больше тех, у кого ума меньше. Остаётся пожелать правления неумного большинства.

Скажете, большинство опирается на общие, устраивающие большинство законы? Да служат ли они действительно, эти законы, или вы служите им, их выдумав? Слуги закона...

Если не закон, то что, скажете вы. Говорю вам, бобр плавающий ничего не знает о законах плавания. Он получает от плавания удовольствие, не говоря при этом «хорошо». Или — «плохо». Удовольствие — он знает, что оно такое: отсутствие неудовольствия. Русалки серебряно-хвост быстрый опасно отражает синь глаза, а любят русалку в воде. И она понимает, что такое удовольствие. Или её заставят понять.

Ах! чую открывание второго глаза: понять — кто мы.

Неудовольствие же — что оно? Страх. Отсутствие страха, предчувствие его отсутствия, есть удовольствие. В его присутствии, в последний миг... Говорю вам, ловите миг его, любите страх!

Ах! открыть оба глаза пониманием: как остановить, поймать тот миг! Его значение — вечность».

Был час и миг, когда мёртвые встают. Оба моих мёртвых спрыгнули со шкафа и вернулись в меня. Тогда я заметил, что Аленин уже ушёл. Конечно, он был напуган, и очень спешил. Но вряд ли он успел полюбить свой испуг. И птица зорко шурилась на моём плече.

Терем людей-бобров придвинулся к стенам моей комнаты.

«Когда-нибудь люди будут и совами», подумал я.

«В тёмный терем томных сов
лезвием скользнул лис.

В лес уходит, огорчённый, глаз понутив, лось.

В брак змеи нелепый вступит, лечь спиной к себе пытаюсь,
и стареть, как нужно, будет, в корнях пугано таясь.

Ах! как нужную поймать змеиного лика ипостась?

А пастух железный гонит взгляды на суровый луг,
на засохший сердца выгон,

чтоб на выгоне пустынном снова нужное вспасти,
в луга волосы вплести неодетую печаль.

Образ жизни пастуха вскормлен выгоном железным,
словом «жаль».

Лис потемневший глянул строго
совой у мудрости порога...

5

Тот, который заглядывал в окно снаружи, уже стучал в дверь, спрашивая: можно?

— Да, — позволил я. — Я долго не узнавал вас, учитель, в теперешнем, новом оперении.

Учитель был одет в старика, замеченного мной на почте 31-го декабря прошлого года, и 1-го января этого года в поезде, где он сидел напротив и выглядел простым напоминанием о вчерашнем дне.

— Да, я много лет притворялся посторонним. Но воспользовался этим для подглядывания, в том числе и за тобой. И теперь уверен, я правильно определил тебя достойным.

— Учитель, настал, я чувю! миг открывания второго глаза. Посмотри на птицу, уже она, предвкушая решительное изгнание, трепещет в своём углу. Она знает, что её видят лишь закрытыми глазами.

И правда: перья ероша, птица метала последний пронзительный взгляд в мою сторону. Молча. Потеряв уверенность во всём.

— Моё появление поможет тебе, — сказал старик. — Но сам я тебе не нужен.

Он взял птицу подмышку, надвинул ей колпачок на глаза и вышел. Я хорошо знаю его тёплую ладонь и кивки головой в ответ на благодарности. Его лёгкий шаг. Я, или мы, не провожали его до дверей. Это не было нужно. Теперь он унёс птицу-беспокойство, а некогда привёл существо противоположного пола, назвал его девочкой и предназначил мне. Это было нужно. Её речи тревожили меня. И, строгий тогда, я говорил:

— У многих дней платье игры в себя,
шкуры видов: от рачьего до рысьего.

Ну, а если мне сказан час,
когда ты, холодна и болезненна,
осенью оденешь тёмный глаз?

Ты представь себе:
вечер тревожен и тих,
парк запущенный дик,
скрытны глубокие травы
у пасеки.

Птицы робкие опасливо
скромные ведут забавы.

Дом пустынен.
На веранде стынет
чай.

Проскользнул в лису одетый
шорох-невзначай :
где ты? Отвечай.

Вскоре лошади мои стояли у ворот парка. Мы прогуливались по аллеям, помня об ушедших в леса.

— Мои папа и мама ушли туда, — так говорила она.

Я сел на лошадь, и угрюмо поехал давней тропой. Роптали деревья, крылозверь подглядывал мои поиски. Все корни деревьев, все пещеры заселили вернувшиеся. И ходили по ночам, добывая пищу себе. И птицы, и звери подбирали остатки. «Скоро... скоро себя в пищу возьмут», подумал я. Мы, трое, не забывали речь, разделённую на слова: учитель, я, и та, которую он назвал Елена. Мы оба помогали ей не забывать, говоря: остерегайся! И при этом указывали на других.

Тут я прервал воспоминания, или предчувствия, ощутив присутствие нужного в себе. Оно рядилось в слово «хорошо». Так я открыл пониманием и второй глаз.

Снег таял в открытой форточке и стекал в комнату уже водой. Я понял, что делать с моим мы. Я смело применил к своему мы слово Я, и обнаружил, что оно не велико мне. Я увидел будущего себя, ведь предвидение — не более, чем помощь нужному. Я увидел пойманный

миг, и увидел, как сферично сходятся и расходятся, от него — к нему, волны времени, образуя вечность. Стоящий в этом миге провидец входит в сговор с прошедшим и будущим, меняя миг — меняет себя. Сфера, составленная из полусфер будущего и прошлого, окружающая пойманный миг, выглядит окном в себя. Она может быть выражена в по-настоящему объёмном стихе, в отличие от плоского. Междометия, знаки препинания, всё, крепящее сферу — это гвозди неразрушимой крепости. Вот полусферы, скреплённые этими гвоздями:

ах! чуть-чуть порхни нечаянно
свой крылатый глаз таинь
а и чудь мою окаянну
окуни обманом в синь,

а и чудь порхнёт нечаянно
в твой крылатый глаз таинь
ах! чуть-чуть меня окаянно
окунешь в былую синь.

Теперь, стоя в пойманном запятой миге, я определяю свой взгляд как луч. Посылая его вперёд, посылая его назад, я получаю его же в ответ. Так я строю себя. Иные лишь позволяют себя строить лучу меня, шумя и протестуя против нужного. А я насмешливо переглядываюсь с собою. Так орлы, осматривая иных, переговариваются между собой взглядом, выражающим: хорошо. И наземные жители с изумлением знают о них.

Известно, что свет есть, коли есть зрячий. Известно также, что я родился в двух местах в один миг. И в то время, когда обезьяны джунглей смеяли одно моё новорождённое лицо, другое уже приспособилось к жизни среди медведей в белом. Но везде, спокойно оглядывая суровый приём, я пришельцем устраиваюсь нелюдимым. Не отвечая на вопрос: откуда ты.

Итак, я не буду, когда исчезнет последний зрящий меня. Зато прольюсь синими дождями на оставшихся без поводыря. Или, хорошенько подумав, в никем ещё не виданный вид оденусь, и, нахмураясь, стану ждать своего возвращения.

День тот будет секретен.

Но я узнают его.

1969

БУКИ или ПРОСТОЙ ПОРЯДОК

1

Говорят, когда будет уничтожена учёность, тогда не будет и печали. Ещё говорят, что все люди радостны, будто присутствуют на бесплатном угощении. Говорящий говорит, что он подобен ребёнку, ещё не явившемуся на свет, что он — сердце глупого человека. И как пусто это сердце... И как говорящий погружён во мрак, в то время когда люди полны света. И как он равнодушен, когда люди пытливы. Все люди к чему-нибудь способны, один он — неспособен ни к чему, неотличим от самого глупого и низкого. Говорящий подобен тому, кто летает и не знает, где ему остановиться. Он отличается от других тем, что видит основу всего в еде.

Говорящий говорит, конечно, обо мне. Что ж я могу добавить к сказанному? Только это:

чёрный хлеб
сладкий лук
тёмный сад
печальный пруд
глупая утка

простая еда

2

Когда я уверен, что размышляю о себе, мне недостаёт лишь малого, чтобы понять себя как вещь в ряду других вещей. Это малое может быть приобретено с помощью столь же малого усилия. Но я не умею его делать.

Когда я размышляю о других, то легко делаю это усилие. А сам для себя остаюсь совокупностью всех вещей, рядом — или против других

совокупностей. Я-совокупность всегда равна размерами совокупностям не-я. Вернее, одной их совокупности, единственной. Усвоить это невозможно, в этом нет чистоты и простоты. Всё, увы, в полном беспорядке... Кажется, всё же, если преодолеть нежелание делать усилие, или, может быть, страх, то можно будет привести себя в порядок. Или если обойти это усилие, обмануть страх, отстранив его подальше. Тогда есть шанс найтись в очень простом порядке.

Но страх ли это? Спросим:

— Это ты?
непомерный лисёнок страха
жующий живот памяти вне
вывязал узлом податливость паха
мне...

— Я.

3

Когда я размышляю о месте, где мне бы хотелось навсегда поселиться, и в котором, может быть, мне никогда не придётся жить, разве что — вдруг, когда какой-нибудь из моих опытов окажется случайно удачным, то такое место в моём воображении всегда пустынно, оно никогда не населено людьми. Там есть всё, но нет людей. Мои словесные опыты и есть поиск такого места. Там есть всё, и в них нет места людям. Впрочем, существа, напоминающие людей, там иногда встречаются... Но это не люди, и об этом необходимо помнить.

Так печальна!
лесная птица птиц.

Вот лошадь привязана к
дереву птицы.
И ночь и день.
И сломан лист куста.

Помни! помни
птичьё прошлое.

4

Цель моих опытов — найти такое сочетание слов, звуков, которое бы в точности соответствовало виду этого места. Потом уже не нужно было бы искать что-нибудь иное для разглядывания, чтения. Или пи-

сать иное, продолжать опыты. Тогда можно было бы долго разглядывать это сочетание снаружи, и в конце концов переселиться внутрь него — поселиться в нём. Надо лишь, чтобы этих слов, звуков, было не слишком много, и порядок их прост. Иначе — этого снова не усвоить.

Я думаю, некоторые группы этого порядка мною уже найдены. Сужу по тому, что не могу обходиться без них, ставя последующие опыты. Когда-нибудь должна же составиться пока секретная формула, среди слов которой можно будет жить!

Но неудачи, эти увечья судьбы, преследуют меня.

Птичьи увечья:
голый глаз
перья страха и
короткий срок

и срока синий дым.

Летим!
дружок
на свадьбу
счастья и беды.

5

Делать всё это нужно по возможности тайно, и никогда не терять из виду поставленную цель. Не публичная же типография эта цель! Но в том-то и опасность, что настоящая цель не должна осознаваться при каждой отдельной попытке её достичь. Это можно себе позволить только тогда, когда попытка уже совершена. Но она же, цель, должна бесплотно присутствовать во время всех опытов как вечный дух цели. Тёплый этот дух должен свободно дышать, и ставящему опыты нужно легко дышать им. И если дух приобретёт излишнюю тяжесть, воплотится перед попыткой, то он перестанет быть свободным, а она обязательно задохнётся, снова будет неудачной.

Я знаю, необходимая мне формула вылупится сразу, как птица, когда придёт — если придёт — её срок. Нужно быть лишь тем клювом, который разбил скорлупу её яйца, а не другим, в другом месте. Нужно подвернуться этой формуле при её рождении.

Летал той ночью тёмный снег
и ветер горестный летал.
И были в доме у меня погашены огни.

И снега скрип под пяткой
крылатой ночи
и на крыльце стоит и думает
войти?.. чужой.

Я спрятал голову в крыло.

6

Цель есть и её нет, как сделать это простым? Она есть насилие, насилие же не может породить уютное жильё, где сосуществуют такие несовместимые вещи как холодная свобода и тёплая любовь. Между тем свобода и любовь — это тот я, которого мне хочется поселить среди слов найденного порядка. Я, которого пока ещё нет. И когда ни умысел, ни борьба со словами — ведь борьба тоже насилие, ничего такого не будет между мной и целью, тогда...

ещё угрюмый сон летает
ещё глубокий снег не тает
ещё угрозы ночь таит

ещё чужой в углу стоит
а свой ещё в себе не волен

и я ещё неволей болен

7

...тогда эти слова утратят первоначальное значение. Утратят его их сочетания, и даже самый строгий глаз не сможет найти следов искусственного происхождения формулы, царапин резца и блеска лака. Говорящий говорит: не сможет отличить лепета птенца от речи мужчины. Тогда значение и смысл, уйдя из слов, поселятся между ними и там будут жить. Там буду жить и я, от смысла неотличимый. Да, конечно, смысл этот буду я.

Сначала постелим помягче
— возьмём одеял побольше.
Сначала затопим печку
— сухим сосновым поленом.
Сначала закроем двери
— и плотно прикроем ставни.

Пусть падает снег.

После 10 вечера в доме стало душно. Был август. Я открыл все окна и дверь на балкон. Ветра не ощущалось, но деревья роптали. Серебряный Днепр надвигался на наш порт от Днепропетровска, и маленький атолл среди его чешуйчатого блистания был дыркой в бублике. Я вернулся в комнату, выключил основной свет и зажёл тусклый светильник. В тёмных углах затаились вещи, молча переглядываясь, а в светлом, над светильником, жила своей жизнью отделённая от других вещей картинка на стене. В тусклом свете её детали были неразличимы, но дерево на краю оврага, весёлый лужок за ним, это было видно. И этого было достаточно.

Я сел в кресло и из противоположного угла стал изучать простую жизнь дерева над оврагом. Чем более я приглядывался к ней, тем сильнее мне хотелось делать это. Эта жизнь притягивала мои взгляды, меня всего, и я весь уже было собрался встать и пойти туда, чтобы тоже и так же там жить...

Но тут я услышал, нет, ощутил присутствие в комнате какого-то звука. И даже не звука, а пока ещё звукового пятна. Вскоре пятно это появилось и в поле моего зрения. Оно парило между мной и картинкой, почти заслонив её собой. Разглядывать картинку стало трудно, и я принялся рассматривать это пятно. Вскоре оно приняло определённый вид и я узнал в нём очертания слова. Но слово ещё плавало в остатках звукового пятна:

кку уай ккк ууушкй
 укй как укукуй укш
 шук йук укукак йку
 йук куш йку уакукк
 шукук кукак йукийу
 ий куй какук кукуш
 кукушка кукуй кук

...или:

пее еал рпле еепл
 еле пли епелер пеп
 пепрел епе плп еле
 ееп лпе плре елепп
 леппеп лпе елр ееп
 пере пел пле лепле
 перепел пепел пел

... или :

трете ертт враевав
 вар тетра в верете
 ва аррт тве е трат
 ввв ттт ррр аа еее
 тертее евтт ввраав
 тетерев ветра трав

Затем появились другие слова. Их порядок был поначалу тоже пятном, но вскоре принял отчётливый вид. Я сидел оцепенело, тысячи лёгких коготков почёсывали мой затылок... Под ложечкой что-то проваливалось: пустота.

Наконец, оцепенение прошло, и я бросился к столу, схватил бумагу, карандаш... и обнаружил, что всё забыл. То есть, не совсем всё: неделимое, простое ощущение невиданно прекрасных слов и глубочайшего смысла между ними осталось, но это-то и было ужасней всего. Да, прекрасных слов, да, долгожданного смысла — но каких слов, какого смысла?..

Этого я так и не вспомнил. Час за часом пытая свой вялый мозг, я пытался поймать ускользнувший в его тёмные уголки порядок. Иногда казалось: вот-вот... Но обнаруженный там, извлечённый из меня очередной порядок оказывался вовсе не тем, живым, а мёртвым, и в сравнении с оставшейся от живого ощущения тенью — уродливым, и совсем не простым.

Уже настало утро, когда измученный вконец я выбрал из сотен записанных мною порядков те, которые казались более других похожими на нужные, и записал их. Потом упал на кушетку и сразу уснул.

Спал я до полудня и проснулся без принуждения, свободно, с лёгкой душой. Духота кончилась, новый день был просто приятно тёплым.

Утро травы на лёгких пальцах пробежало
 Звякнул день-колокольчик: динь-динь
 Умерли сумерки в ресницах сирени

И вот
 на сердце мне садится
 большая птица

...и ещё вот:

В то утро ожидания дождя
в одежде, слепленной из красных листьев
в саду у дерева без имени
от тонкого прикосновенья утра
проснулся я
умытый ожиданием дождя.

В Нидерландах, в 1581 году родился Питер Хофт. Я не знаю, сколько он прожил. Не знаю, как выглядел. Не видел его работ. Я только знаю, что он родился на 365 лет раньше меня, и поэтому может быть моим предшественником. То есть, согласно правилам предшества, я должен прожить такую же жизнь, как он. И если он обнаружил формулу, между элементами которой нашёл себе место, значит, я тоже, рано или поздно, её обнаружу и его найду.

Ничего не зная о Хофте, я ничем не прикован к нему, свободен от него, и он свободен от меня, ничего не зная обо мне. Я испытываю к нему, моему двойнику, самые тёплые чувства. И я не стану узнавать о его жизни ничего. Боюсь, разузнав что-нибудь, я потеряю свободу и перестану ощущать тепло. И дело не в том, что я могу узнать нечто неприятное. Например, что его старания не увенчались успехом. А в том, что я что-либо о нём узнаю, всё равно — что. Всё это будет моим знанием о себе, совсем ненужным усложнением себя, а в себе я и без того несвободен, и давно не испытываю к себе тёплых чувств. Нет, я не стану ничего узнавать о нём, даже то, удалось ли ему найти себе место для поселения, дом у дерева над оврагом, и стал ли он там жить, если удалось.

Простое тепло приятней сложных знаний. Пусть даже оно — знание приятных вещей. Если такое есть.

Моя тёплая любовь к Питеру Хофту совершенно бескорыстна, я ведь ничего от него не требую. Даже моему воображению запрещено заниматься им слишком настойчиво. И потому моя несложная любовь простодушна, абсолютно проста, а бескорыстие так велико, что оно щедро позволяет Питеру Хофту оставаться вне определённых очертаний, как будто он их вообще не имеет, или имеет, но не как определённая вещь с прикреплённым к ней именем, а как совокупность

всех вещей. А безымянной совокупности всех вещей можно дать любое имя, Питер Хофт, или Борис Фальков, всё равно.

Итак, как видно я не совсем понимаю: кто я — он?

и дождь и снег
под чёрным зонтиком спускаюсь в сад:
день сумрачный
и мокрая трава
и чистое дыханье...
о! я вдыхаю чистый день
умытым сердцем
под чёрным зонтиком

14

А если он был монахом? А если любил смородину?

сегодня белый день в саду
роса
дождь скоро упадёт на листья
зеленоглазый монах
под чёрным зонтиком
ест красную смородину
несложно улыбаясь

15

— Разве ты не видишь, — спросили меня, — что бежишь по кругу? От говорящего — к говорящему, а? И уже скоро прибежишь туда, откуда начал свой бег.

— Ах, — ответил я, — по кругу, так по кругу. Поеду на Оку, там маленьким пароходиком спущусь по речке до того места, где она впадает в Волгу, сойду с пароходика, и поселюсь там на левом берегу. Потому что там лес, озёра жёлтые и голубые, и чёрные. И птицы.

— Ну, а мы что говорили?... — грустно сказали мне.

Иду туда
где ёж иглы
еды простую жизнь прожил
и новый носа ёж дрожит
от страха за иголок жизнь

Иду туда
где глаза ёж
сносил наряд простой души
и голый новый ёж спешит
иголкой глаза плач пошить

Туда иду
где ёж простой
и осень красная высоких гор
и строгий лес и тёмная вода
и мой покой —
иду туда

16

В сумерках, а лучше ночью, ему бы или мне опуститься на прохладный пол в углу комнаты и отстраниться от всего этого. И отстранённым глазом начать оглядывать ночной ход. И установить пределы простоты. И чутя только большую ночь. И отстранить её, узнав её пределы. Когда заплещет ночь в кувшине всех.

А на рассвете отстранённом поднять лицо своё с колен и приложить его к ладони ветра.

И ветер из окна в окно летит.

И в рамку отстранённого рассвета поймать простой порядок:

печалюсь	о! радость
умер лист	родилось перо
на ветке птицы	под птичьей мышкой

и мышка истины таится
печалюсь вместе с радуюсь
в начале ветки птицы

17

Попробую добавить к сказанному, сказал говорящий...

А что можно добавить, если неизвестно — в сказанном мною действительно было что-то сказано, или в сказанном мною не было сказано ничего. Что можно добавить, если неизвестно — к чему?

А ведь между сказанным и несказанным существует различие.

Не так ли?

ЕЩЁ РАЗ О ВЛАДИМИРЕ ДУРНОВО

Мне уже доводилось писать заметку о Владимире Дурново для журнала «Стрелец». К сожалению, она вышла короче, чем хотелось бы. Не зависящие от меня обстоятельства сократили тогдашнюю мою статью до вступительного слова к первой публикации стихов Дурново на Западе, а наборщик, самое независимое из обстоятельств, добавочно упустил её часть. Обстоятельства того же рода вынудили самого поэта скрываться в те годы под столь изысканным псевдонимом: Владимир Дурново.

Этот, и другие псевдонимы, общий Самиздат и издание своего собственного машинописного журнала «Шелест», первые публикации на Западе, уже упомянутый интерконтинентальный «Стрелец» и единственный подлинно авангардный русско-американский альманах «Черновик», — всё теперь в прошлом. Не знаю, действительно ли времена теперь совсем другие, но отчасти — по-видимому, да: теперь Владимир Николаевич Устинов издаётся под своим настоящим именем на родине, его приютили московские альманахи «Золотой век», «Соло» и челябинский журнал «Шанс». Теперь он не подпольный, а вполне легальный издатель своего музыкального журнала, но, и тут иные времена ничего не изменили, он по-прежнему поэт.

Меня трудно чем-нибудь удивить, я и сам тогда был не прочь удивить кого-нибудь, но увидев в начале восьмидесятых стихи Устинова — я долго не мог собраться с мыслями, так мало они были похожи на всё мне известное. Сгоряча их можно было отнести к разновидности «барачной поэзии», но эта — совсем не пахла стилизацией, в ней не было никакой нарочитости стремлений, указывающей на принадлежность. Она вообще была как бы лишена особых стилевых примет, настолько неоднородна. Если эта поэзия и стремилась к чему-нибудь, то к максимальному использованию всех, даже и противоречивых средств. Если в ней и есть какая-нибудь особая примета, то это её максимальная прихотливость. Если уж приходится зачислять её в какие-нибудь ряды, то ничего другого не остаётся, кроме как назвать её максималистской, всеядной.

Вот-вот, с одной стороны она похожа на многое, потому что использует ставшие китчевыми приёмы и мотивы. Но с другой стороны — в ней многие черты лабораторной, как бы для-себя-самой или для заведомых друзей поэзии Кручёных. Синтез этих противоположных миров и есть сущность поэзии Устинова, она — удивительное дитя мутнейшей накипи и прозрачайшей дистиллированной влаги, за нею одновременно и не стоит история поэзии — и стоят многие поэтические традиции, из которых она косвенно и вытекает. Может быть, я ошибся, слишком поспешно назвав характернейшей особенностью этой поэзии прихотливость, может быть, подлинное её отличие — тёплое дыхание. Ведь это дитя, созданное из грязной пены и чистой влаги, дышит навозной теплотой жизни. Переливы мелодий его вдохов и выдохов у всех в ушах, всё это вздохи повседневности. Мотивы этих песен — перелёвы жизненного опыта, а их содержание и форма — дневник. Если сложить все написанные Устиновым стихи, подобно тому, как складывается мозаика, то они без сомнения окажутся одним громадным сочинением, у которого если есть начало, то конца ему не видать: автор вовсе не собирается прекратить сочинять. Совсем наоборот, собирается продолжить писать это своё сочинение дальше, как это он делает и сейчас.

Здесь я замечаю, что всё сказанное — сказано о сущности творчества Устинова, и в то же время ничего не сказано о его собственном существе. Между тем, я не раз думал об этом, о том, что же главное в самом Устинове. Если всё сказанное выше правда, то вроде бы и голову не над чем ломать, ясно, что оно такое: главное в Устинове и есть это творчество. Но подумав ещё раз, я всё же остаюсь при первом впечатлении, полученном много лет назад от первой нашей встречи: главное — его неутомимая любовь к настоящей литературе. И она всё та же, прежняя, как бы не изменились времена.

Владимир Дурново

ЕЖЕДНЕВНИКИ

* * *

Мне легче новый стих начать,
чем переписывать набело.
Не увижу я, кажется, Нобеля,
хотя, может, и встречу.
И он мне:
«Ну, здравствуй, Маленький!»

* * *

Потолок и стены побелены,
прохладно и чисто вокруг.
Мухи по комнате вьют табунами,
жёлтый пол подлипает чуть-чуть.

Хорошо и покойно на душе.
Но время пройдёт и в оконном проёме
засохнут на зиму вяленые мухи,
пожелтеют потолок и стены,
пол станет шелухой лука,
и зайдут, заберут, унесут...

А пока хорошо на душе:
потолок и стены побелены.

* * *

Рубином ярким выжигая
на теле чёрном ночи моровые язвы,
дымится голос сладкой сигареты,
дымится быстрой серной и агатом.
Гигроскопические звёзды
в лохмотьях чёрно-красной ваты
на дне глубокого заката,
зевок луны, таблетка дикой мяты,
сквозняк от севера и кипятилок,
озноб спины...
Протрите не брезгуя мягкой фланелью мои боки,
стекло, фаянс и тонкую посуду.

* * *

Люблю полдела:
брошенную стройку,
всех переходов, лестниц, комнат
смысл двойной: разбойник или
сторож? за спиной...
... сквозь щели в плитах яркий свет.
А как меня легко во сне
спасает этот полудом!
Ни одного замка.
Тупик с окном.
Стена стеной.
И — ход на крышу.

* * *

В ожидании друзей любое
дело поперёк. В ожидании друзей
любой руки — перекосяк.
Они ушли искать в любимый улей.
Они забылись в Винограде.
Тоскою плети в клетки на полати.
Для комара моя фатера — магазин,
и долго будет он летать один,
покуда снова не придут друзья.
Ну на, сосни, стервец, мой...
впрочем, ноготь на большой ноге.
Я в ожидании друзей
ужасно щедр на подачки.

* * *

Сполохи лучистые над Русью
в бархате осенних соболей,
острых сабель жала зимние
не жалеют обработанных полей.
Где ладонь — а где земля, попробуй
различи ты, книжный червь.
Оттого, быть может, плодородней,
что в пургу сумели мы сберечь,
пронесли от края и до леса
опухолей жёлтый хлеб.
По земле счастливо собирая,
проскакал на розовом генсек.

* * *

И всё как-будто бы как прежде
да только нету, нету баловства.
И снег хрустальный для надежды
потоплен в небе ливней вешних.
И пробуждается оно...
То самое, чему мы все подвержены
по мере оно:

колени смотрят в землю
очи — в небо
рукам простор
а сердцу — всё равно.

* * *

Ей никогда бывает холодно,
в ней крови больше, неже молока,
и потому бывает голодна,
на солнце отлежав бока.

И под дождём седея оловом,
в ней растворяются квасцы:
целую раз один твои сосцы,
на теле блюда золотой телёнок.

* * *

Окна все заросли простынями,
мешковиной, фанерой и покрывалом.
Неужели откажете в малом?

И в любимом есть тюль... с просветом.
А недавно сломалось бра.
Неужели уют вот этот
вам дороже, чем я?

* * *

за Толика муж Катя собралась
ку розы пила возле магазина
в по Толик лучку выпил чересчур
и свадь прости ба Катя... отпадает.

* * *

Самшита кости тёплые
на солнце, а голова
покоится в сырой земле.
Чулки пустые бродят возле:
их головы болтаются,
давая тень за тнём унылые
плоды — таких же низконогих
отщепенцев.

* * *

Я каждый день к тебе приду
но только не забудь
свой кончик носа облизнуть
вздохнуть...
и подмигнуть.

Лапкой открою
чугунную дверь:
а где ты теперь?
где ты теперь?

* * *

На перевале Хокусая встретил.
Он доживал последнюю фамилию и год.
«Здесь нежный выпадает снег, маэстро!» — сказал я.
«Бледные щёки лепестков снега — это бледность
слегка сиреневой сакуры, не правда ли?»
Я видел, что он меня не понимает.
«Фудзи!» — три раза повторил я.
Сделав руками несколько взмахов на манер ёлочки,
добавил:
«Пагода, пагода!»
Хокусай на перевале пристально посмотрел на меня:
брови приподнялись, впали виски,
открылись кривые охристые зубы.
«Банзай, ужимка, театр Но, харакири, Хариучи, Хиросима...»
Но он молча следил вьюгу.
«Тото Кутуньо, татами, макивары, нунчаки... то-то!»
И вдруг...
Хокусай понимающе улыбнулся:
«Кремль, кушак, винтовка, Ленин, Репин...»
Я приподнял бровями усы морщин на бледном своём челе
и слегка склонил к Учителю голову.

СОБАКА ТЮИЛЬРИ

Придворная собака Тюильри
учуяла падучую хозяина спесь.
Смесь радости и одиночества
и одичалости тлетвор.
Заслышав свист ярости,
взвизгнула сука, язык прикусив.
Отлаилла.
Лак ласки ластилила пред,
кучера кнут из памяти, бред
ластиком вычеркла.
Пуги насмерть,
испустив тяжёлый дух из пасти пламень,
глумливым клубнем бок сырое мясо разложение.
— Месье, вам надо нервы...
— Какие нер огда их не!
Всё вымотала сука...
Суке скажем так:
— Пшёл вонь!
Давно мечтала бабочкою стать.

* * *

Прикоцанный парень
в могиле лежит
и молча в глаза
он лопате глядит:

«Лопата, лопата,
меня пожалей,
родился я в роше,
где жил соловей».

* * *

В процессии отлова перелётных птиц,
в процессии поимки пёрышек летящих
сверху в ниц, ты, огибая половиц
скрипучих, пятишься назад. И пятишься

назад... Так постепенно издевая
за шагом ша, спиной прижа, тая
к холодному... скажи: зачем?

Зачем ты, пятясь, уступаешь
и уступаешь в дальний угол.
Оранжевых, пером горящих свеч
за чёрный черен ок! как держишься!

Но это всё прости: и покрывало кровлю
свою знает, где Бог и где порог,
я — свой конёк, а ты... на огонёк зайди,
свой узелок с собой,
как грозный воин воя
после боя, дверь вышибая
кулаком...

Она для вас всегда открыта.
Ступайте мягче — тише.
Тише! Я всё прекрасно слышу.

* * *

Вытечет усталость
как из шайки Лейкин

Аргази, Еланчик
Увильды, Каштак

только не Енышко —
озеро-камыш!

Вброд бредёт усталость
Бреет труппа труп

* * *

Флора!
мы так спокойно едем
скоро
с тобой приедем
если нам
не разлетится
этот драндулет.

Ссора
с тобою, Флора
это
конечно, Лора
хочет поломать кабриолет:
на-аш, Флора!

Воры!
ловите вора...
Чьи-то
штаны с забора
этот вор сейчас только
упёр.

Эх, Лора!

Флору
мы вместе с Лорой
в ЗАГС
пусть и не хочет
приведём.

Флора!
мы так спокойно едем
скоро
с тобой приедем
если нам не разлетится
наш кабриолет.

* * *

Бордовая подушечка
с иголками-булавками
на миокарде-ниточке
ножонками сучит:

друг-дрыжка
пешка-шишка
по карточкам
квадратикам
Е-два, Е-три
нечаянно и
глупенько спешит
спешит.

* * *

Землёвка — станция
я скатываюсь с насыпи
и в сон-костёр бросаю Ся
прилюдно.

Со мною все мои игрушки:
альбом семейный, тайное письмо
и сонм зверей, от скарпия до льва
преступно тает на моих руках.

И вот уж творог, зель, смола
останки маленького льва...
игрушечным дымком
я с плачем костерю
потухший костерок:
во мне Бумагин и Утинов
сразу распрощались...

Какая страшная фамилия
КОСТРОВ!

* * *

Я нюхаю больную дочь,
готов хоть чем-нибудь помочь:
большой и твёрдой головой
скрывая темя и висок
с той стороны, откуда ночь
ей чёрной пулей галку метит.

И корни, корни, корни рук,
и стебли, стебли, стебли вен, и
листья век.

На ветке клипсов узел-ток,
и бьётся пульсу в такт
тончайшая жилка темени,
прикрытая большою головой...
когда я нюхаю больную дочь.

ОБ ЭТОМ ТОЛЬКО РИФМОЙ

Просторный зал беседы
в именьи родовом
плющом увитый диким
старинный тихий дом
наш разговор укрытый
большим-большим плащом
и шёпот сизый дымный
ползёт со всех сторон:

ужели жили железы
у Жуженьки в животике
а голь гола по городу
гуляла на горшке?

Сквозняк простора допьяна
напился на заре, а Сонечка
зарезала зайчишку на дворе?

К обеду будет паники слад-
чайший пирог:
уж спички мальчик маленький
собрался чиркнуть в срок...

Заманчивые новости
таит грядущий час
пока мы живы-здравствуем
не забывают нас.

Серебряные ниточки
я соберу с лица
морщинок чёрную вуаль
полиции отдам:
пусть ищут дом
в котором мы
два шёпота
две кисточки
так бережно живём.

8 МАРТА

Я родился к литера-
турным салонам при-
годный.

Я б салон свой имел
и гитарный магаз,
но в моём роде
т. е. в мои роды
сказались абы да кабы:
поганки всякие
во рту, в ушах
из глаз...

Теперь я всем в глаза твержу:
кабы имел салон,
большим слоном сумел бы Вы.

* * *

Клоп долго падал с потолка,
отбил об мне кишки и пузо.
-- Ну и вот... — жена сказала —
кому-то всё-таки да нужен!

А я-то спал и горько вдупель.

* * *

Все уважают Софью Карате
она коленку хрустнула мне
словно б монпансье — зелёный
жёлтый, красный леденец:
их полный светофор.
Теперь иди — сказала —
обо мне расскажешь в семь.

И я пополз, как ластоногий кит
горбатый дикий и хромой
а в восемь начал отжимать
себе планктон уж...

* * *

Я вспоминаю про любовь
и вижу нищие углы
кефир в пустых бутылках
и веник стёртый, как совок.
Твои морщины, наверное, теперь
комком изжёванной бумаги.
А помнишь, как комком бумаги
мыли окна и посуду у подруги?
А-а... помнишь...

* * *

Дорога кошечку перебежала,
такие были перламутры.
Через дорогу в доме с за-
решечённым окном, девчонка
красит себя в губы. Девчонка
в белом колпаке (она работает
в столовой на раздаче первого,
второго и часто замещает
старую татарку Фаю в кассе).

Так скажем: кошечка была её?
Похоже.

* * *

Мариэтта Шагинян,
не ходи ко мне по гравию,
не выношу и скрип половиц,
хотя он и она — святое...
но я-то здесь причём?

* * *

Три медных пятака
на грифельное блюдце
в день ангельский
сухим и вафельным стаканчиком
не прикуси себе язык

* * *

Иду искать корейца Ли.
Жена ушла, сбежали дети.
И начинаем с похорон.
С тобою выпьем, Ли
за всё на свете.

* * *

Что там годы — шесть шестёрок
в лагере.
Двое совершеннолетних
могли бы пожениться
если б захотели.
Три подтверждения,
будь я трижды девочкой.
Но уже 36 раз по 100
я говорю себе:
«Давай поцелуем действительность
ещё раз, без последствий!»

* * *

Никто так часто не меняет
зубов, как моя подруга:
золотые, фарфоровые с
бриллиантиком,
голубоватый изумруд...

Не знаю — в каких она придёт
этой холодной весной.

* * *

Не ухаживай за мной при людях, дорогой!
Не люблю, чтоб знали все, чего ты хочешь.
Лучше мы сейчас расстанемся с тобой:
ночью приходи ко мне, родной,
по ночам вдвоём с тобой
будем рыскать в поисках себя:
час решительной отваги,
и минутки слабенького сна
в овраге...

Ты до дна, и я до дна.
Ты один и
я одна.

* * *

Сегодня в горбане смотрины.
Разнообразие в уральской Азии,
как в базе вторсырья.

Отвёртками наделали в дверях
глазницы, разглядывая в ящике
фруктовщиц персики.

Взломали дверь, тогда
не разобрать солянки,
и кто-то килькой хули-
ганит, срывая сход —
устроил винегрет.

На панорамном фото ничего
не видно: тела, тела и явный
перегиб в природе!

* * *

Она сидит на стуле у окна
как будто бы позирует для вечности.
И год сидит она
и два
Махмуд сдувает пыль с нея
её легонько шевеля
ей нежно поправляет бант

* * *

Мужчина с палец на холме
у конь-стены на четырёх ходулях.
За ним широкий пояс горизонта
догорал, как огненный ремень
с пурпурной пряжкой, сбитой под обрез
с отвал дубиной толстой пули.

Влиятельным лицом удерживая запад
прислушался и опустил своё ружьё
глухонемой — мужчина с палец толщиной
у конь-стены на четырёх ходулях.

* * *

Бабочка на шпильке,
что тебе не спится,
под стеклом коллекции
можно ли зевать?

Выправь экскрементами
прошлое в табличке.
Я печать подделаю,
а ты лети гулять.

* * *

Уходят урки —
клички остаются.
Соври на память,
только не брешы
про ту турчанку
из Константинополя,
как издевались над ею палачи.
А ты привёз её
в столицу нашей Грузии,
устроил в фабрику,
одел в бельё, туфлю обул...
Когда ж убил её из ревности —
страдал и плакал,
везя ён труп в Стамбул.

«Эту женщину — бёдра кувшином —
я всё время ни разу не бил.
На границе ё ничники отняли,
ну, а я... эту бабу любил!»

* * *

— Мне страшно не писать стихов, —
сказала Алла.
— Так страшно, как и начинать.
— Тогда проследуем в кровать, —
ответил Алик вяло.
— На свете многого не мало, Алла,
о чём души моей кровать.

* * *

Вагон на ходу.
Муха в вагоне летает
как дома — из школьной физики.
О чём это? А?
Когда земля как курица несётся
и всюду продают лимонный квас.

* * *

В квартире вашей зычны потолки.
На кухне по углам висят колбасы.
Нам мама ваша чудные борщи готовила
и оставляла нас одних.
А вы любили ананасы.

Махровых белых хризантем
и тень еловая на стену.
И ваших нежностей духи.
И голосок сродни бутону.
И нехорошие звонки по телефону.

Я гетры, или вы надели мне
и заварили эвкалипты...

Да! В малой лодочке отчалили венчально мы!
Соседей залили, приснув благополучно.

* * *

Отец учёбы — заиканье.
Твердишь об голову предметом:
— Хотя бы трёшку!
Хоть бы пол рубля...
0,5 оценки — это же не дурно!
Особенно уверенность
когда вареники с грибами повторенья
мать блудная при этом мать и шина
уехавшие в город навсегда.

* * *

Дорогие мои просители!
Сколько лет я в постели лежу,
а вы рядом сидите и смотрите,
без меня да гульнув на ветру.

Что повеять вам, молвить что?
Обрету себе ноги как
и пину побещуся так,
аки молот татар кутак.

Полюбили меня и пролежни,
в них какие-то гады живут —
яйцекладку заложат с утрава,
а в обед соберут... жрут.

Носа нет, рота нет и брови
покусала проказа зла.
Я её подхватил в чистом поле,
в те года состоя в комсомоле,
стройотряда вожак — литрук.

Из цикла «БЫЛИ»

1

Ну вот...
жили-были дедушка с бабушкой.
У них не было детей.
Потом у них родился медведь.
Он пошёл в магазин.
Он купил себе:
газировки, хлеба, колбаски,
жевачки, котлетки, каши,
хлеба, молочка, яичек, хлеба,
колбаски, водички, конфет,
яблок, кефиру.
Он пришёл домой.
Он лёг
и напукал в диван.

2

Мне летом бабушка сказала:
умрёшь ты евнухом, пацан!

Тебя кастрируют...
на вертеле поджарят как жучка,
дедок добавил искоса.

И добродушный этот люди
в толпу пропали и в народ,
меня оставив у дверей
в металлургический завод.

С тех пор усох мой стебель робкий
увял горячечный тростник,
утратил поц свою сноровку...
Я женщинами позабыт.

3

Бабку под полом держу,
я ей ногами ворожу,
ночью стул вдруг опрокину
и слушаю протяжные гу-гу.

Она в заводе ошизела,
ей каждый стук — сигнал к обеду.
Вот погоди, старуха, перееду
и слохнешь с голоду в тиши!

4

Бобыль — здоров.
Он в одиночестве передвигает мебель.
Его мечты — резиновая Небыль.
Бобыль-Бобыль,
необходимость острая твоя.

У Бобыля сытейно да кисейно в доме,
нет даже тараканов окромя друзей.

Друзей, как тараканов окормя,
Бобыль вздыхает,
передвигает снова мебели...

Но есть Сверчок у Бобыля.

5

Старушка старика переживёт,
глядишь, и ничего,
и угостит обедом...
Старик ж старушку схоронил —
и сам туда, за нею следом.

6

Колотурская не спит,
у Колотурских свет горит,
а ночь идёт... поди знай!

Сухие жилья скрипом кости,
король доски пустых квадратов
по жёлтым ромбам пробежал диагональ,
где два крючка, играя с братом-гвоздем,
закрыли мёртвых тел колонны
в гранитных каменоломнях.

7

Умерли отец и мама,
внук мой в армию ушёл,
первый раз на дне стакана
взгляд твой, профиль не нашёл.
Вечерет.
Сад наш гложет.
Цветик меркнет у цветов.
Ночь черна.
Меня не видно.
Зубы стёрлись давно.
В небе или три луны ворочит
или ни одной.

* * *

Приходил мне заезжий сосед.
Он давно обскакал белый свет.
Говорит: Что есть прощѣ?
Есть Бог — есть порог,
зря столицу не трогай,
в ней вором живѣт
чѣрный ворон надежд боевой.

Так сказал, и пропал силуэт,
отскакавший вчера этот свет.

* * *

Греми громами по бигамии
во всё простѣртое до андрии
и где-нибудь бегония из Александрии
тебя засопшего найдѣт —
твой оловянный нос
и точно уж молчащий рот.

Где шор трибуны скаковым коням
и комья шѣпота загромождают
в ужасно тесном сюртуке
не пистолетный выстрел сердца —
его разрыв с копытами
и клѣцкой слѣзка на огромном
чѣртовом-обзорном колесе.

* * *

Ташили красное бревно.
Вдова усопшего рыдала,
а сердце ныло за окно,
а музыка нам всем играла.

Ходили мы с тобою в школу.
До этого в саду резвились.
Ещё пораньше... это было
в яслях, как клещи в банке
копошились.

И, наконец, когда-то вместе
в утробе матери лежали.
Я вышел первым, ты за мною:
в тот раз друг друга не узнали.

А в остальном всё сходно было.
Теперь ты первым в дно могилы.
Я ж попаду в другую, милый.

Был праздник пёстрый кумачом.
Не хоронили.
Ты в леднике своё лежал.
Два дня прошло — ожили.
Сдвинулись и поташили.

* * *

Три собаки пришли поутру —
я опешил и выгнал их.
Две пришли в обед —
я их рассмотрел, и снова выгнал.
К ужину пришла одна плешивая собака:
у неё были язвенные круглые выбоины
по шёрстке, зуб на зуб не попадал
и характерная слюна бешенства.
В экстерьере — недопустимое мною
«коровье седло» в задних ногах
и ужасная, ужасная провислая холка.

«Дай зобну чибарик»,
сказала.
«Ты меня знаешь?»
спросил я её.
«Да, конечно!»
сказала она, подбирая окурок,
«мы с тобой целовались когда-то!»

На следующее утро ко мне никто не пришёл.

* * *

Он человек и потому
мечтает о простом,
таком как:
выучиться где-нибудь
игре на фортепьяно,
познать науку, женщину,
автомобиль.
Слетать к соседу,
сбегать на Венеру
и, если есть уже, то
вылечить свой сифилис.

* * *

Содом-Содом,
Шолом Алейхем!
И ты, Гоморра городок!
Не я венчаю Вавилона потолок.
Я просто так к тебе...
От неча делать.

* * *

И наконец обсохло небо,
земли кабан упал и лапу набок.
Его нечистые бока —
гусиных перьев белые ножи!
И надо зарабатывать на жизнь.
И если завтра будет завтра,
то сейчас пока.

* * *

Люблю твои крутые бёдра
они, как после непогоды ведро и вёдра:
их никому не удержать!
Едрёна корень...
Едрёна мать.

Люблю твоих грудей разливы
их молоко, их мёд
и сливы — твои глаза
и их люблю.
К тебе я просеку рублю
твой дровосек, твой лось, твой Иувал
твой снежный человек, Приам, Парис...
Твой Вово!

* * *

И... что это: рак на белом блюде
в зелёной тине весь в укропной
на нём лавровый ли венок?
Душистый перец — глазами горошки
по белу блюду... и не говори.

И... что это: простуда, разговоры
отцовский макинтош не впору
и это вечное — умри.

* * *

И с фонарём, но без лопаты
с лопатой, да, но без огня
хоть молчаливый да сопатый
но главное: к нему не лезь.
Его исправила могила.
Он тот, кто был всю жизнь горбатый.

* * *

Зачем скелету эполеты,
колье, вчерашние котлеты
и писем стайки от Колетт?
Стиллет был точен.
Друг наш бывший — тучен.
«Скелет и в Африке скелет!»
Воспоминанья пучат.

* * *

На тропинке в осеннем лесу
в жёлто-красной листве
на бледнеющей зелени
в тёплом платье своём
ты, играя в лису, улеглась
соблазняя медведя коленями.

И с тех пор по осеннему лесу
мы одни от полянки к полянке скитаемся
где грибками, где мёдом, а в основном
мы любимой любовью питаемся.

13 АВГУСТА

По галерее гул шагов.
В проломе свет...
На свете был и день, и гром, и дождь
и молний трещины в металле.

Завеса лопнула.
Текут потоком реки в храме Посейдона.
Мариновые рощи прячут птиц.
Из их неостывающих яиц
ломаю потолок тяжёлой головою
ты родилась не с писком — с воем.

ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ

Там где в горах кипящий яд змеи
сварился в малахит
и ядрами в недрах залёг
там по траве в алмазных камнях рос
с короною на голове
с улыбкой до ушей и до небес
моя хозяйка на передние вставала
а хвостик истончая с горы пускала
в кипящий синей лавой лес.

* * *

Утро доброе: стих наступил,
подобрался к кровати,
в мягко лапко-крылышком щекотил:
ваше величество вряд ли...
Уснёте — я вас разбужу.
Уснёте — снесу вас в корзине
и брошу на грядку.
Не спите! Прошу вас,
я, посланный к вам,
ни с чем возвратиться назад не посмею!
Давайте скорее я вас обниму.
Обнюхаю.
И поддержку мой маленький,
ангельски-чистый пальчик во рту...
Никто не проснётся, не бойтесь.
Он спит — не заметит.
Зато на обратном Земли берегу
оживёт тот, кто ночью пролежал
в чёрном галстуке, туфлях седой,
в новый костюм одетый.

20 ИЮНЯ

Сейчас один танцую в тишине.
Сквозняк гуляет с кухни коридором.
А жизнь и день своим закатным взором
аккомпанируют:
та-ри, та-ра-а
та-ри-и, ру
та-ра, та-ри-и
та-ри-и ру-ра-а

Один танцую в коридоре.
Из кухни ветер по ногам.
Мы только раз в прощальный год
обнялись в танце после ссоры.
И то же солнце по ногам хлестало нам:
та-ри, та-ра-а
та-ри-и, ру
та-ра, та-ри-и
та-ри-и ру-ра-а

* * *

Ты видишь, мирная девица:
там далеко внизу синица?
Она ко мне сюда летела
она спала со мной.
Ей мало такого журавля, как я
всех этих песен на бля-бля.

Я жду-пожду.
Пусть жизнь проходит.
Я знаю, иной раз находит
иной старик свою старуху
и об руку идут по суху
туда, где нету дочерей.

* * *

Если б я был султан
если б я жил один
я бы песни слагал —
сам себе господин
я бы книги читал
я бы книги писал
и ещё бы немножечко шил.
На головку твою голубой оплаток
черевички с застёжками
злат поясок.
Я бы дома сидел и тебя поджидал
улыбался и плакал, тоскуя.
За окном как увидел тебя
с пола б встал
изумрудно б встречал дорогую.

* * *

Все в этом доме крепко спят,
а утро в окна тихо светит.
Лучшее время для меня и котят.
Я счастлив побывать на свете.

Все люди спят...
Лишь «я» не спит один.

* * *

Хотя бы на свиданку в пять минут
через тюремный стол с решёткой.
Руку протянуть...
Потрогать пальчики...
Царапнут коготки
и зэк на простыне повесится с тоски.

* * *

Я никогда не успокоюсь
не перестану, не уйду
я мхом, проказой, лишаём покроюсь
но не умру, пока не долюблю!

* * *

Ещё суббота остаётся.
Судьба на мотоцикле бешено несётся,
не в дверь стучится —
в сердце тонким шилом бьёт.

* * *

Сердечко бедненькое рву.
Но тем сильнее будешь, Ева:
позлишься на свою змею,
да слупишь пару яблок с древа.

ТАНГО

По полю не павлины, а сороки
в лесу не попугай, не какаду —
простой оплётанный червяк на леске в реку...
Я больше в рай с тобой не попаду.

* * *

Не пересохло бы желание
тогда и мостик над ручьём
и дерево, и рыба
и камень с птичкой чудесной —
всё было бы причём.

По дну реки кто ходит посуху
того и руки взяты посохом.
Он капелькой слезы устало дорожит.
Он никогда уж не заплачет.

СОННИК

Я спать хотел.
Закрыв глаза — как перешёл границу.
За площадью у ратуши в горячий полдень
локтями разбивая воздух-воду
две девы вверх по лестнице
ведущей в Замок, пробежали.
Одна — блондинка
в светло-зелёном и блестящем
другая, в розовом, брюнетка...
Так и случилось в жизни после сна.

* * *

В прохладной комнате
над тазом с горячей водой
согнувшись в талии
молодка стояла.
И к нежной коже на шее
полотняный воротничок.

По мостовой четыре звука
о старый булыжник
бричка моя прибрехала.

Спят наши глазки
спят.

* * *

А когда ты состаришься совсем
и некому будет тебе водички
стаканчик подать,
я тебя съем.
И с тобой в животе полечу в рай.

* * *

Как из вишенки косточку спелую ты достаёшь,
так и сердце моё: ноготочек-нож
в алом-алом соку,
пчёлы сладко жужжат,
мёдом пахнет у губ,
я так страстно влюблён
в раскалённый зуб.
Кость моя на твоём языке,
словно лёгонький камушек перекачивается.

Я, помнишь, каменку на дне ущелья различал
и след твой чуял из сугроба.
Теперь сквозь лёд,
ни разу не сморгнув, гляжу.

* * *

Любишь ближнего...
Правильно делаешь.
Но и дальний не так уж плох.
Просто дальше руке, взгляду:
пристани — расстояние не порок.

Парок, когда зимою на снегу
лицом и носом остро в небо
последний раз тебя я вы-дохну
и тот парок
тот голубь сизокрылый
зубов порог оставит, не дыша
и улетит туда, где милая
уже не женщина, а дух
и нету никакого США.

СЕДОЙ

Я заявил тебе,
что больше не буду красить бороду.
Потом испугался:
кому ж ты это говоришь!
И снова стал красить:
покрасил — покрасивел,
ты не волнуйся!

* * *

А однажды в руки дашься?
А кому ты повторишься?
А зачем ты только снишься?
А ещё придёшь однажды?
А они в тебе с тобой?
А твоё им ты собой?
А собаку твою любят?
А её с собой возьмёшь ты?
А ещё мне в руки дашься?
А ещё опять однажды?
А ещё, ещё приснишься?
О-о! О многом не узнаю...

ДА-НО

Да, океан он тоже поле
в чёрном поле волн воли
тянут дни моей неволи:
горсть семян всех дней в подоле
маков чёрных семена
в океан твой между нами
сыплю дней я времена.
Но в пустыне чёрной белый
очень белый нас сзывал
помнишь, ночью в Кисловодске
нас с тобой Он целовал?

* * *

Я улыбаюсь при тебе.
Я улыбаюсь.
На дне твоей реки могучей
фрегат сокровищ затонувший.
Никто не выловит реки
никто не взграбит:
моряки твоих глубин и маяка не видят.
Плыви, любезная, плыви
тобою живы океан и море
и ластоногий кит твой
кормится с твоей руки
пират зависит твоей воли.

* * *

Конь на лугу не то,
что грешная корова:
конь смотрится главней.
А как же смотрятся Марина-Вова?
Хорошо, пусть я не конь,
но я её люблю.

* * *

Когда грянет сорок пять
станешь бабою опять
будешь девушкой-девицей
перестанешь мене сниться
мне же будет песья семь —
нечему стоять совсем
ты сейчас хотела б это
укрываясь в Новом Свете.
Тише, Евушка, не плачь
я ж не евнух, не палач.
Я гуляю в чистом поле.
Ты резвишься на просторе.
Ты гуляешь в чистом поле?
Дам тебе твоё раздолье...
Ты — вечерняя заря
утром стану зорькой я.
Когда грянет сорок пять
я пойду тебя искать
выйдет месяц из тумана
выну финку из кармана
тебе выколою глаза:
слышать будешь голоса
нежные мои прошенья
и ни слова о прошениях
и пойдёшь с поводырём.
Так останемся вдвоём.
Я — любуюся тобой.
Ты со мною и с собой.
Буду зеркальцем твоим.
Ведь за это я любим?

* * *

А я б в твоём заборе сделал дырку
и так на стульчике сидел
и неотрывно б на тебя глядел
порою б закрывал глаза
и сдерживал улыбку.

* * *

Твой виноград крупнее чернослива.
Твой нежный взгляд — и я в своём соку.
Канатка в горы. Рижские заливы.
Я без тебя ни жить, ни сдохнуть не могу.
Не проглотить, не выплюнуть, не спянуть,
не спрятаться, не выбежать под дзот.
Я словно Таня, уронивши мячик,
в Дюймовочку влюблённый крот.

* * *

Ем курагу я с мёдом, с сыром.
Шиповника отваром запиваю.
Колю орехи и смотрю кино
и запрещённую подругу вспоминаю:
бывало вот под небом у реки...
И дальше разное, и в рот мне кураги,
когда я вспоминать такое позабуду.
Ну, а пока мой рот ещё настолько не забит —
виват, прекрасная. Я слышу...

* * *

Ели молодые и сирень.
Цветущую сирень мы ели, молодые,
из поезда глазами.
А вдоль вагонов в Жмеринке
снуёт базар челночный:
сметана, рыба, ландыши,
апельсины, пиво, мочёны яблочки.
А я цветущими твоими бы глазами
отсюда в Братиславу, в Прагу
и дальше в венскую весну.

* * *

Без тебя нет у меня дома нигде.
Я всё больше Вечный Жид, старик и море.

* * *

Если вечер над рекой
тихий нежный голос:
— Да! — то над красною водой
ранит лодкой лобовой зелень ряски
лилий шеи длинно-длинно под водой
дышат в шланги.
Слышно-слышно весь театр действий
пышно нам аншлаг готовит Кришна
полугол и полубык.
Храпом был покрыт твой крик.

* * *

Я с Урала бежал,
Колымой добирался.
Помню зимний Хотьковский лес...
Там в избушке на чапловых ножках
место жён моих и невест.

Наливали из погреба сладенькой
и ведро подавали тотчас.
Никогда уж не будет миленькой,
такой родненькой, такой ладненькой
под названьем сейчас.

И опять повязали.
Становлюся скотом.
Потерял я сейчас
и живу лишь с потом.

* * *

Мне мама ваша, а потом и вы
готовили отменные борщи,
и был уверен я семь лет,
что не окончится обед.

А в эту зиму я один:
осиротевший господин,
приду, уткнуся в шубки мех
и глажу шёрстку всем на смех
и верю, верю, что я нужен
и впереди наш долгий ужин.

* * *

Ты жизнь дала и ты её забрала, Ева.
Огрызок яблока любви в кармане,
в кулаке, с познания древа.
Со змеем уплыла за океан,
меня из попки дунув, как пропан-бутан.

В огрызке семечек штук пять.
Учти, мы встретимся опять!
Я сад Эдемский насажу,
тебя введу как госпожу.
Мы будем кушать там спаржу
и репу парить.

* * *

Щеголиха, щеголиха,
ты уехала — мне лихо.
Ты оставила мой свет.
Без тебя рассвета нет.
Щеголицей улетела.
Гимн свободе мне пропела.
Я же был как истукан:
зверь тяжёлый из саванн.
Из травы чащобы буйной
силюсь выползти...
Мне больно,
больно вслед тебе глядеть.
Я озяб. И след простыл.

* * *

От холода иссываюсь.
Зато давление падает.
Голова не болит.
А что тебя радует?

* * *

Вспоминаешь птиц?
Значит — тюрьма.
Лежишь с закрытыми глазами,
лицом к стенке.
А рубанком начинают со лба...
Эх, лысые твои песенки!

* * *

Богу — Богово, Кесарю — Кесарево.
Здравствуйте, дорогой Вадим Петрович!

* * *

В сорок пять ты баба-ягодка.
А он, не усыпив и мужи
как мухомор окончился
без капельки во рту
без ягодки —
в приюте венском у старухи.

1 МАЯ, ПАСХА

Я орлом к гнезду совьюсь,
струйкой дыма опущусь в долину.
Жертвенно сожжённый вполонину
солнышком твоим.
Солнышком твоим...

* * *

Бывает, такая тоска подступает,
бывает — болит и болит.
Свет клином и клин в бок — бывает,
и чёрную кровушку пьёт, замполит.

Змеину головку — своюю пятой —
на камне своим сапожищем,
а хвостик-то мой...
увы, уже он счастья не ищет,
от счастья не убежит.

О! Дайте, дайте мне Свободу
и Евушку весёлую на ней,
купание в Канале и природу
в глазах двух чёрно-белых лебедей!

* * *

Взгляни, Марьён,
как за год повзрослели горы,
за полтора — заждалися моря,
и погрустнели повара форели.
Вокруг нас снова Чаплов детвора.
А птицы?
Птицы знают небеса...

CODA

Любя тебя всю жизнь в любое время года,
закономерность я несложную познал:
уж как бы ни был я любезен своему народу,
мне вместо памятника, денег, — пьедестал.
Обыкновенный, крепкий, из фальшивого металла,
таких уж много видел свет.
Живи и знай: хотя змею копыто не попало,
ещё, как вещего Олега конь,
твой не скопытился поэт.

КЛЕОПАТРЕ

Прощай, Клеопа!
Утро близко.
Душа откинута в дуршлаг
подсохла писка.
Египет пал.

* * *

Кармен!
Ты с лютней, цитрой,
или там с гитарой —
беги в Александрию поскорей.
Возьми себе другое имя
для конспирации. Анастасия, например.
И с орденом святого Станислава
ступай туда — где Бог ходил,
где позже мусульманский Израил
свой будущий Коран наметил.

Кармен!
Играй, пляши,
побольше спи,
побольше отдыхай,
побольше ешь и пей...
Не все ещё издохли матадоры.

* * *

Веснушчатая осень конопатая,
печёная, ядрёная, сопатая,
сопливая: вся в сливах
да рогатая.
А рядом дедушка Мороз,
весёленький, с лопатою.

* * *

Да, я не тот,
с кем можно жизнь прожить.

Зато я тот,
с кем можно жить да жить!

* * *

В последний раз на крыше мы гуляем.
Снег выдуло.
Снег весь внизу давно.
А здесь нагретый цинк сверкает
и взлётной полосой горячий ручеёк
минуя каменные трубы...
Из сердца выпал рубль золотой.

* * *

Ещё б последний стих —
и до утра подохнуть без просыпа.
Уж коли в сон мой — Стикс —
с живой водой мой меченосец не приплывёт.
Не припорхнёт голубка с карими глазами,
оливку в клювике не принесёт.
Тогда сухой лавровый лист
и перец-соль по вкусу мне не надо.

Зато в том беспробудном сне,
надеюсь, обойдусь без гадов:
медузой белою на белом дне.

* * *

Мама!
Ты подарила мне меня,
когда в пятидесятом родила.
Сегодня ты по воздуху ушла,
как Мэри Поппинс:
ногами выше головы.
Всеми, что скажут обо мне — не верь!
Твой сын давно живёт
воды набравши в рот.
Ты, мама, детская моя,
ты, мама, девочкой ушла
в другие ясли,
где уж не болеют.
Я ж запряжённый
в удилах — пашу,
а поле высоко в горах.
Да, м-мамочка, мычу!
Как не мычать...
Зато я, мамочка, не блею.

* * *

Вокруг Солнца Земля облетела.
На повторном плечом задела.
Сорвало с якоря. Сломало мачту.
Маму унесло...

Я без тебя — мышь в горе без Магомета:
всё меньше, меньше места и ходов,
теснее, холоднее камень...

Я сам себе мал сир Иван Сусанин.
И путь забыл,
и не видать врагов.

* * *

Без квашеной капусты
не варят кислых щей.
Без уксуса-лимона
не получить борщей.

А я ж с моим упрямством
был бит с младых ногтей...

...потом в стакан со спиртом
я воду добавлял
и кроме льва лихого
я кайфа не поймал.

* * *

Так унизительны подарки!
И нету сил их подорвать.
И я подыгрываю в парке
и с медной тубой мну кровать.

А мне б бежать,
бежать б под арки,
на мост, на рельсы, на понтон!

А я подыгрываю в парке
под кличку «Коттон».

* * *

Подходит день, когда страниц
из пасты шариком не омараю.
Засохнет стержень
и порвёт бумаги холст рапира —
клинопись моя.
И посереет чёрное пальто.

* * *

Если б я был добёр —
честный речной бобёр,
я б в одном только месте жил.
Я бы шубку одну носил.

А руками-ногами держась за лианы,
вместо ясного неба — не вижу бананов.

* * *

ТИ СЫЛЫ ЩО МЭНЭ НОСЫЛЫ
БУЛЫ НЭ КРАСЫВЫ

ТО Ж И ТИ СЫЛЫ
ЩО СТРАНУ ПОКОСЫЛЫ

* * *

Бальзам, когда от слёзной косточки
родится-отойдёт слеза
и по пути к тебе
блеснёт в бокал со звёздочкой
как не твоя вина.
Как растворенья дым ракетницы
как дом, а за калиткою тропа:
на ипподром заросшая дорога...
Хоп-па.

* * *

Он был калиф на час.
Она — калифорничка.
Манжет и запонка.
Груди рабочей часть.
В её головке свила гнездо
малиновая птичка
и переливисто держала сути власть.

* * *

Фанаты-акробаты
и тихие сопелки
собою пробиваясь
в заборах лезут в щелки:
своё влюбление блюдут.

По тихой переписке
встречаясь из рук в руки
по всей Земле мотаясь
не ведают разлуки:
свою любовь сосут.

К ним лепятся чужие.
Для них мы парашют.
Фанаты-акробаты
и фантики-конфетки.
Служаки-проститутки
красотки, нимфы, детки.

* * *

— Какого вам?
— Какого? Да дурного нам, Дурново Вову!
А Вова — что?
Холодны края железного горшка.
Маленький. От пола два вершка.

Содержание

Борис Фальков. ПРОСТОЙ ПОРЯДОК	5
--------------------------------------	---

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Живя в чужих...»	7
ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ	
Любители чая	8
Чайный домик	8
«Снилось мне, что перед утром...»	9
«Мне печали отпусти...»	10
«Люблю! люблю...»	10
«Вольга любви, Вольга тучности...»	10
«Тебе короткая строка...»	11
«Шаг ангела...»	11
«Я долго шёл к другому храму...»	12
Голубь	13
«Упокой порядок плена...»	14
«Ветер мягко отодвинул занавески...»	15
Зима в Бахчисарае	16
СУХУМ	
«Сегодня вы сквозь тусклое стекло...»	18
«Великий Путь одетый в дождь...»	18
«В саду цикада и фазан...»	19
«Это я в гнезде вчера родился...»	19
«Вечером себя открой окно...»	20
«Где ходят люди с лицом паяца...»	20
Вторник	21
Голубиная ночь	22

СТИХИ НА ПОЛЯХ РОМАНА «МИРОТВОРЦЫ»

Брехун	23
«Безумным языком пророчеств...»	23
«Мчат копыта в пыльной ризе...»	23
В ставке Петлюры	24
В ставке Махно	25
Среди рыб	25
Вариации «ориенталь»	26
Кавказ	27
«Алла велик!..»	28
«Облавой окружённый лось...»	28
«Я ехал долго...»	28
«Быстро солнце закатилось...»	29
«Тихо тени прилетели...»	30
«Над жёлтым морем, где синий кит спит...»	30
«Там: хохочет кречет...»	31
Терцины	31
«Тихо лодка вверх дном плыла по Оке...»	33
«Скажи, дружок, ведь это ты — та...»	34
«Лежу я, спрятанный в себя...»	35
Ночной автобус	36
У дедушки Крылова	36
«Пора издохнуть мне...»	37
«Всё лишнее оставлю дома...»	38

ИЗБРАННЫЕ ПОЭМЫ

Сожаление о Святославе	39
Автопортрет	44
Русь поганая	47
Птичий царь	52
Шмель радости	61
Каиафа	64
Графиня СС	73
Касли	79

ДВЕ БАГАТЕЛИ

Аз или Параноик	88
Буки или Простой порядок	103
Владимир Дурново. Е Ж Е Д Н Е В Н И К И	113
«Мне легче новый стих начать...»	115
«Потолок и стены побелены...»	115
«Рубином ярким выжигая...»	116
«Люблю полдела...»	116
«В ожидании друзей...»	117
«Сполохи лучистые над Русью...»	117
«И всё как-будто бы как прежде...»	118
«Ей никогда бывает холодно...»	118
«Окна все заросли простынями...»	118
«за Толика муж Катя собралась...»	119
«Самшита кости тёплые...»	119
«Я каждый день к тебе приду...»	119
«На перевале Хokusая встретил...»	120
Собака Тюильри	121
«Прикоцанный парень...»	121
«В процессии отлова перелётных птиц...»	122
«Вытечет усталость...»	122
«Флора!...»	123
«Бордовая подушечка...»	124
«Землёвка — станция...»	124
«Я нюхаю больную дочь...»	125
Об этом только рифмой	126
8 марта	127
«Клоп долго падал с потолка...»	127
«Все уважают Софью Карате ...»	128
«Я вспоминаю про любовь...»	128
«Дорога кошечку перебежала...»	129
«Мариэтта Шагинян...»	129
«Три медных пятака...»	129

«Иду искать корейца Ли...»	130
«Что там годы — шесть шестёрок...»	130
«Никто так часто не меняет зубов...»	130
«Не ухаживай за мной при людях...»	131
«Сегодня в горбانه смотрины...»	131
«Она сидит на стуле у окна...»	132
«Мужчина с палец на холме...»	132
«Бабочка на шпильке...»	132
«Уходят урки...»	133
«Мне страшно не писать стихов...»	133
«Вагон на ходу...»	134
«В квартире вашей зычны потолки...»	134
«Отец учёбы — заиканье...»	135
«Дорогие мои просители...»	135
Из цикла «БЫЛИ»	136
«Ну вот... жили-были...»	136
«Мне летом бабушка сказала...»	136
«Бабку под полом держу...»	137
«Бобыль — здоров...»	137
«Старушка старика переживёт...»	137
«Колотурская не спит...»	137
«Умерли отец и мама...»	138
«Приходил мне заезжий сосед...»	139
«Греми громами по бигамии...»	139
«Ташили красное бревно...»	140
«Три собаки пришли поутру...»	141
«Он человек и потому...»	141
«Содом-Содом...»	142
«И наконец обсохло небо...»	142
«Люблю твои крутые бёдра...»	142
«И... что это: рак на белом блюде...»	143
«И с фонарём, но без лопаты...»	143
«Зачем скелету эполеты...»	143
«На тропинке в осеннем лесу...»	144
13 августа	144
Хозяйка медной горы	145

«Утро доброе: стих наступил...»	145
20 июня	146
«Ты видишь, мирная девица...»	146
«Если б я был султан...»	147
«Все в этом доме крепко спят...»	147
«Хотя бы на свиданку в пять минут...»	147
«Я никогда не успокоюсь...»	148
«Ещё суббота остаётся...»	148
«Сердечко бедненькое рву...»	148
Танго	148
«Не пересохло бы желание...»	149
Сонник	149
«В прохладной комнате...»	150
«А когда ты состаришься совсем...»	150
«Как из вишенки косточку спелую ты достаёшь...»	151
«Любишь ближнего...»	151
Седой	152
«А однажды в руки дашься?...»	152
Да-но	153
«Я улыбаюсь при тебе...»	153
«Конь на лугу...»	153
«Когда грянет сорок пять...»	154
«А я б в твоём заборе сделал дырку...»	155
«Твой виноград крупнее чернослива...»	155
«Ем курагу я с мёдом, с сыром...»	155
«Ели молодые и сирень...»	156
«Без тебя нет у меня дома нигде...»	156
«Если вечер над рекой...»	156
«Я с Урала бежал...»	157
«Мне мама ваша, а потом и вы...»	157
«Ты жизнь дала и ты её забрала, Ева...»	158
«Щеголиха, щеголиха...»	158
«От холода иссываюсь...»	159
«Вспоминаешь птиц?...»	159
«Богу — Богово...»	159
«В сорок пять ты баба-ягодка...»	159

1 мая, Пасха	160
«Бывает, такая тоска подступает...»	160
«Взгляни, Марьён...»	161
Coda	161
Клеопатре	162
«Кармен...»	162
«Веснушатая осень конопатая...»	163
«Да, я не тот...»	163
«В последний раз на крыше мы гуляем...»	163
«Ещё б последний стих...»	164
«Мама! Ты подарила мне меня...»	164
«Вокруг Солнца Земля облетела...»	165
«Без квашеной капусты...»	165
«Так унижительны подарки!...»	166
«Подходит день, когда страниц...»	166
«Если б я был добёр...»	167
«Ти сылы шо мэнэ носылы...»	167
«Бальзам, когда от слёзной косточки...»	168
«Он был калиф на час...»	168
«Фанаты-акробаты...»	169
«Какого вам?...»	169

Борис ФАЛЬКОВ, Владимир ДУРНОВО

МАКСИМАЛИСТЫ

ЛР № 062880 от 26.07.1993

Подписано в печать 25.04.1997

Формат 70×90/16. Бумага офсетная

Гарнитура NewtonС

Тираж 1000 экз. Заказ 1915

Литературно-художественное агенство «Лира»

Издательство «РА»

Москва, 113149, Нахимовский проспект 15

Тел. (095)110.61.24

Московская типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6